

The background of the cover is a painting of a Venetian canal scene. In the foreground, several gondolas are visible on the water, with people rowing. The middle ground shows a large, ornate building with a prominent dome and a tall column. The sky is a deep, textured blue. The overall style is that of a classical painting.

Руслан Нургасимович
Камалов

По эту сторону неба

Непростая книга для
взрослых

Руслан Камалов

**По эту сторону неба.
Непростая книга для взрослых**

«Издательские решения»

Камалов Р. Н.

По эту сторону неба. Непростая книга для взрослых /
Р. Н. Камалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901868-7

Книга о непростом поиске себя и ориентиров в современной обществе. Вера в собственные силы, в Бога, в Любовь, в Судьбу, в Друзей — что первостепенно? Ответьте сами, узнав историю героев. Содержит эпизоды реальных событий. Возрастной критерий: строго 16+

ISBN 978-5-44-901868-7

© Камалов Р. Н.
© Издательские решения

Содержание

2 июня. Утро	6
2 июня. День	9
1 марта. Вечер	12
9 июня. Утро	15
1 июля	20
10 июня	23
5 июля	26
11 июня	29
5 июля	31
15 июня	34
6 июля. Вечер	38
20 июня	40
5 июля. Ночь	49
7 июля. Вечер	52
21 июня	55
22 июня, вечер	57
22 июня, ночь	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

По эту сторону неба Непростая книга для взрослых

Руслан Нургасимович Камалов

*Мы выбираем не случайно друг друга...
Мы встречаем только тех,
кто уже существует в нашем подсознании.
Зигмунд Фрейд*

*Мой друг, возможно, что сейчас ты стал сильнее
Берешь редуты в яркой боевой раскраске
Но возвращаясь в Дом, остановись у двери
Сложи оружие и заходи.... Без маски...
Руслан Камалов*

© Руслан Нургасимович Камалов, 2017

ISBN 978-5-4490-1868-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2 июня. Утро

Если и есть что-то действительно нервное, так это пробка на утреннем мосту. Машины толпятся в тесных коридорах, скалясь друг на друга красными огнями. И все бы ничего, но Время, с которым буквально вчера вместе распивали холодное пиво из одной темной бутылки, теперь трусит мимо по выделенной полосе, сделав вид, что не замечает нашей приветственно протянутой руки.

Черный джип, видимо, вслед за ним, играючи перемахнул через бордюры и, урча, понесся по, посыпанной гравием, разделительной полосе. Объехав так приличную часть пробки, он самоуверенно попытался, сходу, вклиниться в едва образовавшуюся брешь между ползущими машинами левого ряда, нахально всовывая ноздреватую фару. Да не тут-то было! Его никто не собирался пропускать – вереница машин сомкнулась прямо перед его носом. Джип крутанул рулем, чтобы избежать столкновения, но гравий предательски потащил машину юзом. Она шарахнула в бочину не пропустившей его машины. Зажатое, между ними, зеркало заднего вида сначала заскулило жалобным металлическим стоном, брызнуло осколками в разные стороны, а затем его корпус, отломившись, безжизненно повис на металлических тросиках, обнажившихся изнутри как сухожилия.

Вот и все – теперь эту пробку точно не перезагрузить и не объехать. Машины, как муравьи заполонили все возможные пути объезда. Они только нервничают и сигналият, пока табачный дым просовывает свои щупальца из их чуть приоткрытых окон. Кондиционер в голубой зоне – не состоятелен. Эта скотина будто создана только для того, чтобы пожирать бензин. Черт! В такие минуты обещаешь себе выехать пораньше, так же как, впрочем, клялся вчера. Да, и еще неплохо было бы не засиживаться в инете допоздна.

«Неплохо бы», – чешем в затылке, понимая, что наше полуночное красноглазое отражение в мониторе посылает таких умников, прямым текстом в самое начало пробки.

Примерно таким было это утро и для девушки в синем платье на заднем сиденье. Таксист все это время размышлял о том, как бы ненавязчиво начать разговор. Его пассажирка очень даже. Да что там! Просто огонь! Черные идеально уложенные волосы, тонкие черты лица, миниатюрный носик, изогнутые линии бровей, большие зеленые глаза, слегка очерченные темные круги под ними... ммм... ей определено не спалось этой ночью... Положим, он не ночевал в ее постели, но в зеркало заднего вида прекрасно видит, что ей не спалось.

Хорошо бы конечно воочию... Мда.

Дана действительно не выспалась, хотя спать вечером хотелось до ужаса сильно, но что-то нахальным образом поселилось в голове и прогнало сон взашей. Вслед полетели его шмотки. «Что-то» шуршало и хозяйничало, требуя обратить внимание на свое присутствие, привлекая, какие бы то ни было, умственные потуги и сопутствующие мысли.

Возможно, это просто в преддверии рабочей недели, Дана так и не удалось понять, но ночь была безнадежно испорчена. Она читала Саган, мешая остывший чай ажурной ложкой, слушала Гросси – бесполезно. Все же, когда светало, ей удалось прикорнуть. Спасибочки – ей приснилось, нечто несуразное: какой-то маньяк тащил ее за руку в сторону парка.

Пожалуй, она даже сможет припомнить в деталях: она стояла посреди большой оживленной улицы и что-то необычное привлекло ее внимание. Облако. Полупрозрачное облако в небе, божественного кораллового оттенка прямо над дорогой на высоте, примерно, второго этажа. Она оттолкнулась ногами и сделала жест вытянутыми вперед руками, как делает человек, ныряя на глубину, и ее легко понесло навстречу облаку.

Как вдруг, кто-то резко схватил ее за ногу. Да так, что она от неожиданности некрасиво вскрикнула зажатым в груди вдохом и, в ужасе, оглянулась, а там – мужчина. Станный. Весь в красном. Даже его лицо было перетянато красной тканью. Только глаза светились болезненно.

Он с силой держал ее и тянул вниз, так что сдавленная нога мгновенно заняла. Мужчина подтянул ее к себе и перехватил ее за руку. Она закричала. Но он продолжал тянуть. Ноги Даны коснулись земли, и она сразу начала со страху брыкаться и, неожиданно для самой себя, со всей силы, ударила Красного свободной рукой по лицу. Она замерла в ужасе. Его качнуло от удара, он отвернулся и Дана почувствовала, что сейчас есть шанс убежать! Но тут ее тело предательски налилось резиной и едва слушалось ее. Все движения были растянутыми с невероятными усилиями и давались с ужасным трудом. Мужчина медленно повернулся к ней, она увидела то, что шокировало ее: от ее удара на его красном лице возник странный рисунок непонятной тонкой витиеватой формы бурого цвета. Словно черная кровь изнутри, под кожей, заструилась по невидимым капиллярам. Прямо на ее глазах этот рисунок начал извиваться, как клубок змей, устремляясь, одновременно, в разные стороны. Но он не думал ослабить хватку и продолжал цепко тянуть ее за собой в парк у дороги.

Дана дико закричала от ужаса и попыталась высвободиться, но мужчина держал ее так крепко, будь она была прикована к нему холодными наручниками. Она бросила взгляд на его руки и вздрогнула всем телом: у него не было руки, вместо нее – большой черный металлический крюк, которым он цепко держал ее за запястье.

Дана проснулась как ошпаренная, внезапно, с криком посреди ночи. Ее ноги, налитые вязкой резиной во сне, наяву вытолкнули ее из-под одеяла, как пробку из бутылки, и она упала на пол, больно ударившись спиной. Быстро перебирая ногами, отползла к стене и прижалась к ней, шаря пальцами в поисках выключателя. «Щелк!» и спасительный свет разлился по комнате. Не дыша, Дана диким взглядом забежала по комнате. Нет никого. Никаких красных людей. Это сон. Кошмарный сон.

Дана сейчас, в такси, вспомнила снова все, что приснилось и заерзала на сиденье. При дневном свете, вспоминать про это было легче.

«Плевать я хотела на насильников и озабоченных, – подумала, подбадривая себя, и прибавила – Да, и на озабоченных!»

Дана бросила едкий взгляд в зеркало заднего вида. Таксист сладко улыбнулся. Все это время он не спускал с нее глаз. Дана вытянула шею, чтобы взглянул на его руки, может он и есть краснолицый насильник с крюком? Она улыбнулась своей удачной иронии. Да неееет. Пусть и смазлив, но совсем не в ее вкусе. Да и что взять с него? Таксист. Китайский смартфон, дешевый жгучий парфюм, поло с перестиранный воротником. Хотя...

В сущности, мужчины способны приносить пользу, если умело с ними обращаться. Главное чувствовать момент, когда его «добродетель» потребует что—то взамен и, за мгновение до этого, завершить отношения. Так говорила еще Мерилин, да только Дана поняла это сама. Вот и этот Ромео будет возить ее по утрам на работу безвозмездно ровно столько, сколько подскажет ей ее интуиция. А она ей подсказывает, что этого парня надолго не хватит – неделя. Этаким «неделя парень» или «парень неделя». Удачная находка в этом плане – творческие личности. Очень любят жертвовать собой ради вдохновения в юбке.

Дана вспомнила одного такого. Какой-то несостоявшийся музыкант. Одержимый. С горой пыльных рукописей под кроватью и записей на диктофоне. Он был влюблен в нее до сумасшествия. Посвящал ей кучу стихов и бесчисленное количество песен. Ну и что ей делать со всем этим? Может сдать куда? Где такое принимают? А он терся рядом, все бредил своими эмоциями и глубокими чувствами к ней. Нет вообще она не против любовных чувств, если только они в рамках того, что ей необходимо. А уже когда за гранью – ну извините. Сама она не влюблялась никогда. Да и вообще, Дана не привыкла ограничивать себя в общении с мужчинами. А этот, ни с того ни, с сего начал ее к ним ревновать и накладывать на нее какие-то обязательства. Пришлось грубо разъяснить.

Ну, возможно, сама виновата. Дала ему повод и надежду, потому сама увлеклась им и не вовремя дала задний ход. Говорят, его вытащили из петли. Или не успели. Бедняга, в общем.

– Опаздываете? – взгляд в зеркале заднего вида заискивающе улыбался.

С годами общения с навязчивыми мужчинами, у Даны сложилось правило: не отвечать без необходимости. Чтобы не завязался разговор, из которого могут вылезти какие-то последствия. По сути, ей некуда было спешить. Но и сидеть здесь, в пробке, в компании с этим супероригиналом откровенно напрягало.

– Не ваше дело, – вырвалось у нее

– Ого! Ночь не удалась?

«Мудак! – подумала Дана и картинно скривила лицо, – говорила же себе: не отвечать!»

Она вспыхнула, сама на себя, поняв, что ее затягивает в бесполезную беседу.

Адью!

Решительно бросила ему в лицо купюру, она открыла дверь и буквально выпорхнула на тротуар, сразу почувствовав облегчение.

– Стой! – громко крикнул вслед водитель, видимо, он предполагал получить что-то еще за присутствие.

– сдачи не надо! – холодно парировала она и хлопнула дверью. Но, в этот момент, что-то за спиной привлекло ее внимание. Она обернулась и увидела, стремительно несущийся на нее по тротуару, автомобиль, который даже не притормозив, пролетел сквозь.

Случилось странное: Дана внезапно увидела себя со стороны, как у экрана в замедленной съемке. Она совершала в воздухе невообразимый кульбит над автомобилем, сумочка метнулась вертикально вверх. Она треснула и из нее вылетел, разбитый вдребезги, флакон с пудрой, образовавший, в одно мгновение, яркое розовое облако над ее, разможенной о лобовое стекло машины, головой. Что-то черное летело на балкон третьего этажа. Это была лакированная туфля Вальтер Стайгер с отломанным каблучком. Вторая цепко сидела на ноге, которая была неестественно изогнута. Летящее вверх тело окунулось в божественный розовый шлейф, замерло в нем на мгновение, затем, мешком, устремилось вниз, плюхнулось на тротуар, как тряпичные манекены в ретро Шоу Бенни Хилла. Через секунду под ней показались багровые лужи.

Дана вздрогнула и... снова проснулась.

«Да что это такое?! Снова какой-то тупой, убудочный сон!!»

Она хотела открыть глаза, но веки не поднимались. Слиплись как после долгого сна и, с трудом приоткрыв их, она увидела... красное. Все было красным вокруг. Алеющие стены домов, красноватые кроны цветущих деревьев, люди, испуганно выглядывающие из витрины бурого кафе, прохожие, бегущие к ее телу с кроваво-красными лицами, искаженными от ужаса. Все, все вокруг было алым.

Снится?! Она хотела ущипнуть себя, но не смогла пошевелиться. Что-то густое струилось по лицу и шее вязкое, со страшным запахом. Лицо немело с каждой секундой, словно сковываемое засыхающей косметической глиной. Она почувствовала ледяной ужас в груди от гнетущей тишины, воцарившейся, в одно мгновение, посреди чадающей пробки.

Улица стала растворяться в ее глазах. Последнее что она увидела – идущая к ней фигура человека, в руке у которого был сложенный зонт. Интересная деталь: металлическая ручка его, направленная вниз, была изящно изогнута крючком...

2 июня. День

Город был великолепен. Нет, он совсем не походил на блистательные мировые столицы с бесчисленным количеством вывесок и небоскребов. Это был интроверт. Город в себе. Понятный только тем, кто прошел его, кто поднимал глаза вверх и как турист с рюкзаком на спине, пытался вжиться в его брусчатые пешеходные улицы, минуя лавки с сувенирами, внимательно всматривался в лица, живущих здесь и даже, в чем то, завидуя им.

И Город благоволил, негласно, заманивая идущих в сакральное, в святая святых. Его малые улочки, обвитые зелеными локонами деревьев, сливались в широкие проспекты, который выводили на выложенные камнем набережные. Город дышал теплым, ласкающим, бережным ветром. Скрывал силуэты влюбленных за большими валунами у воды, которые, обнявшись, смотрели на волны, набегающие на их свитые босые ноги.

Это город высоких фонтанов, тенистых витиеватых аллей, высоких театральных афиш, трехэтажных старинных домов и небольших магазинчиков с массивными колокольчиками на скрипучих дверях. И это бессменное солнце на необъятном от низких крыш небе.

Но в одно мгновение погода изменилась. Дохнув внезапно, как ошетилившаяся кошка затхлым гортанным ветром, которые грубо выдергивал портьеры из полуоткрытых окон и бесстыдно забирался под одежду. Небо посерело неравномерными полосами. Словно кто-то сверху завалился спать в грязный полосатый гамак. Прямо в одежде и ботинках, тоже прямо скажем, не первой свежести. Город вдохнув полной диафрагмой, поперхнулся и скривился, давясь от кашля. Он так и застыл, вздрагивая в неудобной позе и выставляя напоказ свои потаенные, срамные места. Но дождь так и не полил.

Зеваки столпились вокруг, побросав свои машины и забыв о своих проблемах. Они обсуждали увиденное, грустно качая головами, смеялись, снимая на камеру смартфона происходящее.

- Что случилось?
- Девчонку сшибли насмерть
- да ну! Где?
- вон!
- она же на тротуаре, ее что на велосипеде сшибли?
- на каком велосипеде еще? насмерть сшибли! на машине!
- как это? Ага, вон на тротуаре лежит.
- Смотри... ой! фууу.
- Боже мой, какой ужас!
- Не видно... голова то на месте?
- похоже, голова – это то, что справа выпирает.
- прикол!
- жалко такая молодая девушка...
- откуда ты знаешь!
- во-во. Да какая разница! Девушка и все.
- Я видел, видел! Летел какой-то урод прямо по тротуару, а она перед ним выскочила.
- точно, я как раз мимо шел, слышу хлопок, такой громкий глухой, оборачиваюсь – она летит. Как в кино.
- я не слышал крика.
- не удивлен. Ты кроме Корна вообще ничего не слышишь
- Говорят, рассорилась с парнем и назло ему выскочила из машины
- Да ты чего! Она в такси ехала, вот же стоит.
- ну значит он таксист!

- кто он?
- ее парень!
- Дебил.
- я сниму на телефон, надо будет выложить. Блин памяти мало, щас удалю чего-нибудь.
- а нашли машину, которая сбила?
- ага щас, нашли, ага! он уже в гараже, наверное, лобовуху меняет.
- стойте, я не понимаю уже кто кого сбил.

Полиция и врачи пришли пешком, потому что проехать сюда было невозможно. Они толкнулись через толпу и начали осматривать место и тело. Один из полицейских пошел в магазин, расположенный на тротуаре в самом месте трагедии, видимо искать записи с видеокамер. Один врач был совсем молодой, он опустился над телом, другой, намного старше, в годах, ходил вокруг и усталыми нахмуренными глазами вглядывался в лица людей, как будто искал виновника в толпе.

Примерно через полчаса тело погрузили в черный пакет. О трагедии теперь напоминал лишь неестественно темный, пятнами, асфальт.

Таксиста одели в наручники и увели с собой. Из кафе вытащили шланг и официант стал смывать кровь в канализационную решетку. Посетители ретировались, побросав недоеденные блюда и неоплаченные счета, брезгливо закрывая лица бумажными салфетками. Рассерженный администратор опустевшего кафе стоял и громко командовал процессом уборки тротуара, чтобы следов не осталось. Он думал о том, как это несправедливо, что именно в его смену случилось это дурацкое происшествие и посетителей как ветром сдуло.

Спустя четверть часа по тротуару снова ходили люди, как ни в чем не бывало и никто из них не знал, что тут произошло. Время попросту вычеркнуло это событие из их жизни.

Единственный человек, который остался стоять – это бродяга очень неопрятного вида. Он молча смотрел на мокрый тротуар, сквозь ноги и фигуры пешеходов.

Он каждый день выходил в город, именно сюда, на это место. Он стоял с непонятным инструментом в руках – духовым фоно. Такой детский синтезатор с трубочкой-мундштуком. На нем он играл, знакомые мелодии, прикладывая пожелтевший мундштук к губам. Получалось некрасиво, коряво и в этом была какая-то безысходность. Его прозвали Боливар, за его остроконечную бородку и в чем-то действительно латинскую внешность.

Сегодня Боливар, играл грустный мотив. Как реквием по погибшей девушке. Только сильно сведущий человек мог различить в искаженной старым инструментом музыкальной гармонии «Плач Ветра» Эннио Морикконе. Боливар вдыхал полной грудью и дул в мундштук, сосредоточено глядя на свои пальцы, нажимающие на клавиши. Он иногда ошибался и тут же начинал музыкальную фразу снова, отчего понять гармонию было все сложнее и сложнее.

Боливар выходил играть ради одному ему известной цели. Глубоко, задумчиво, как человек, который однажды больше не смог идти, остановился на улице, в толкотне, сырости и шуме, когда по пути и навстречу шли люди с сумками и без, под руку со спутником, одинокие; ему захотелось внезапно встать и стоять как истукан, несмотря на то, что тут же будешь назван чем и похуже и в спину тебе начнут врезаться смотрящие под ноги. Протест против толпы, протест против того, чтобы быть ее частью, одним из этих несущих выискивающих сквернословящих. Тогда он думал, что быть недвижимым столбом в сносящем потоке – это проявление воли, своего мнения. А на деле – просто свернул в тихий переулок и, прижавшись к холодной стене, сжал кулаки в унижительной ярости на самого себя, что не смог постоять за свою, внутренне сильную, точку зрения. Так и стоял, взывая к Богу, молча, откусывая обиду крупными кусками, не разжевывая, пытаясь глотать и задыхаясь, чувствуя, как она медленно расплзается на языке. Он же столько сделал хорошего! Не для себя! Для всех! Неужели он не заслужил простой помощи? Доброго слова...

Бог не ответил ему, и Боливар смотрел на идущий мимо мейнстрим бессмысленной людской массы, которую, казалось, не интересует ничего кроме дешевых покупок, шмоток, автомобилей, секса, айфонов. «Толпизм». Он в каждом углу, в газетах, в метро, в интернете, за стенкой ритмично толкающих каркас кровати в стену. Думал, ли ты что, незаметно, стал одним из них?

Или ты, неспособный сопротивляться, среди потерявших веру в себя. Невозможно определить грань, когда это перерастает в безысходность от понимания, что некуда убежать. Невозможно предвосхитить момент, когда ты уже опустил руки. Когда ты продал душу своим воспоминаниям, дающим тебе спасительное кратковременное умирание, безнадежно разрушая. Сколько тысяч раз ты искал и тщетно находил то, что могло бы помочь тебе поверить в свои силы?

Боливар опустил фоно, продолжая беззвучно нажимать черно-белые клавиши. Тротуар высох. Ничего больше не напоминало о трагедии. Его взгляд посветлел, так, будто он выполнил необходимый обряд очищения.

Теперь он снова, столбом, смотрел на идущих, то с симпатией, то с осуждением, будто делил их на гуляющих и гулящих.

Согласитесь, просто пропасть заключена в проглоченной букве «Ю»...

1 марта. Вечер

Мужчина в военной форме с чересчур безупречной осанкой, даже излишне – до чуть заваленных назад плеч – вошел в вестибюль. Он гулко шагал по мраморному полу, акцентируя звуки шагов надраенными до зеркального состояния сапогами. Женщины оборачивались и с интересом вглядывались в широкоплечий силуэт. Затем украдкой смотрели в лицо. Волевое, прямое, словно вырезанное из камня решительными взмахами тесака исключительной остроты. Мужчины уважительно расступились перед ним, когда он, оттеснив их, вошел в лифт и нажал большую металлическую кнопку.

Двери сомкнулись с респектабельным звоном, и кабина вальяжно поползла вверх. Он остался один перед внушительным зеркалом. Внимательно осмотрев себя, он остановился на воротнике и аккуратно поправил его. Затем он подался вплотную к зеркалу и обнажил зубы. Удостоверившись, что все безукоризненно, он отступил назад и погрузился в размышления, теребя в руке отполированный пальцами металлический предмет – пулю с выгравированной на ней буквой «G»

«Дзынь» – сообщил колокольчик, что кабина прибыла на нужный этаж. Военный встрепенулся, выкатил грудь и направился по коридору в приемную. При входе он кивнул девушке секретарю. Она чуть привстала смущенно улыбувшись. Он без слов проследовал за массивную дверь, закрыв ее за собой с громким щелчком.

– Мистер Гросс! Какая честь! – поприветствовал его хозяин кабинета, полноватый мужчина в заметно дорогом костюме, – Вы как всегда не оставляете мне никаких шансов упрекнуть вас в непунктуальности.

И смеясь, широко приветственно расставив руки, он направился встречать.

– отлично выглядите, Полковник, Вы просто образец для подражания.

– спасибо Дон, – лаконично парировал Гросс, пожав пухлую ладонь

– проходите, любезнейший, – заверещал толстяк, поправляя изящный шарфик на шее – налить Вам что—нибудь? Кстати, есть отличное вино. Шато Латур. Для особенных гостей. Когда я покупал его, какой-то невежа, увидев его цену, пошутил, что виноград для него должно быть собирали на восходе солнца обнаженные белокурые девственницы.

Смеясь, он проследовал к бару и звонко откупорил пригубленную бутылку вина.

– ммммм, – замычал он, вдохнув прямо из горлышка, – какой чудный аромат. Красное.

Будете?

Полковник отрицательно качнул головой.

– Чтож, ваше право, а я, пожалуй, не откажу себе в удовольствии.

Он налил себе вина и, сделав грубый глоток, плюхнулся в кресло, блаженно запрокинув голову.

– Боже, какой восхитительный вкус, – картинно причмокнул он, пожевав губами. – Прямо можно различить нотки шоколада, такие тонкие сливочные оттенки, с цветочными тонами

Подняв голову с чуть затуманенный взглядом, он увидел, что Гросс так и стоит посредине комнаты.

– Простите, увлекся. Прошу Вас, Полковник, – сказал он, указывая место напротив.

– Спасибо.

Дон сделал еще один глоток, не сводя глаз с Гросса.

– Мы давно с Вами не виделись, расскажите, как ваши дела? – спросил он

– Все отлично. – коротко ответил Гросс, тоном, не располагающим к откровениям

– Так уж и все?

– Да.

Толстяк осушил бокал и звонко поставил его на стол. Достал сигарету, чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся.

– Даже если бы я не знал Вас, я бы не поверил. А я знаю. Все про вас знаю, Полковник. Простите, нам приходится следить, но, думаю, вы как профессионал с пониманием отнесетесь. И я знаю, что вы, как бы это сказать, не совсем удовлетворены жизнью, Вы думаете, что к вам относятся несправедливо.

Гросс молчал.

– Но вы не правы! – поспешил присоединиться он, – Уверю вас! Я люблю вас искренне, просто, вот так, без всякой вульгарности. Более того, я уважаю вас и вашу точку зрения, но вы действительно неправы.

Толстяк затянулся и тщательно скомкал окурки в пепельнице

– Просто каждый делает то, что умеет лучше всего, согласитесь? – продолжал он, выпуская дым между слов – Вот вы, например, Гросс. Вы – первоклассный военный, вы стратег, знаток оружия. В этом Вам нет равных, Вы лучший! И не спорьте со мной. Вы из тех людей, которые способны совершать исторические поступки, судьбоносные. Не кичась, без напускного. В вас есть отчаянная смелость и харизма. Решительность. Хладнокровие. И это, поверьте мне, от Бога. Он как будто сам судьбоносно вложил в Вашу руку оружие, наделив вас особенной силой. Я, при всем своем желании, не смогу сравниться с Вами в этом.

Дон взял пустой бокал, встал и пройдя к столу плеснул себе еще вина.

– Но, – сказал он, назидательно подняв указательный палец, – но если дело касается политики, то, давайте будем откровенны, здесь перевес на моей стороне. И это правильно. Друг мой, зачем вам лезть в это, дермишко? Политика честолюбива, двулична и лицемерна, поэтому ей уготовано властвовать. Это самодур, это взбалмошная императрица, которой законы не указ. Даже честно победив все битвы в отдельно взятой войне, вы можете проиграть в эндшпиле правильно поставленной политике, потому что в современном мире это самое изощренное оружие. И этой Пиковой Даме нужен кнут. Указующий, беспощадный. Без вашего могущества Гросс политика лишена, пожалуй, самого главного – праведности. Не понимаете? Я поясню. Только страдающий народ способен на библейские подвиги. Без этого он превращается в бездушный скот.

Дон встал и подошел к окну

– Гросс, посмотрите в окно, вон туда. – он указал сквозь стекло бокалом, рубиновая жидкость закачалась внутри – Все эти люди, смотрите, вон. Да разве они сейчас способны на самопожертвование? Нет! Зачем им это? Да они даже монету пожалеют бедняку бросить. А все потому, что они забыли о настоящих лишениях и страданиях. Благополучие превращает людей в бездушных свиней, Гросс! А значит сила, грубая сила, несет в себе благость. Она будит в людях их человечность. Понимаете меня?

Дон вдруг скривился в лице

– Боже как я ненавижу жесткие воротники, – вдруг сказал он, расслабляя узел шарфа, – была бы моя воля, я ходил бы тут в шортах. Но, увы, требования едины для всех.

Гросс почувствовал, как затекла спина, он откинулся на спинку.

– К делу, – коротко сказал Полковник, – зачем я здесь?

Толстяк сделал безразличное лицо

– мм не буду юлить... мне нужен, как бы это сказать... управляемый хаос, – сказал он неопределенно, но с отчеканенным холодом, – увы, я не могу сказать больше. Вы знаете, сколько ушей может быть в этой комнате? Даже я не знаю

Гросс нахмурился.

– обернитесь, – сказал ему Дон, – на столе два конверта.

Полковник повернул голову: На столе лежали белые конверты без надписей.

– Левый – в нем зафиксирована сумма, которую Вы получите за участие в мероприятии. Правый – описание задачи.

После этих слов, Дон замолчал, поднял бокал и начал внимательно следить за действиями Гросса. Тот, помедлив секунду, протянул руку к левому конверту, вытащил сложенный лист бумаги. Его бровь удивленно изогнулась

– мне нравится Ваш подход, Полковник. Сначала деньги. Бизнес и ничего личного. Будьте спокойны – сумма верна, думаю, она убедительно говорит о серьезности второго конверта.

Гросс не ответил. Судя по сумме, в другом конверте лежит билет в один конец. Это его не пугало. Его скорее злило, то, что он сейчас марионетка. Дон следит за его искушением: «Ты волен встать и уйти, – говорил он насмешливым взглядом, – ты же свободный человек, не так ли? Ты сам можешь принимать решения».

Между тем, Полковник знал, что Дон по-своему боится, что он поступит именно так. И уйти сейчас было бы своего рода наслаждением. Просто увидеть, как этот хлыщ в жеманном шарфе, растеряно пытается найти изящные слова, чтобы его удержать. Толстяк это и сам понимал. И это рождало в нем интригу. Но он льстил себе, что гениально срежиссировал ситуацию, настолько тонко, что предвосхищает развитие событий. В любом случае, у Дона, скорее всего, уже был план «Б» и на это развитие событий.

Полковник подумал о том, что при любом развитии событий он должен узнать, что в правом конверте. И ловушка это или нет – ему все равно.

Гросс медленно открыл конверт, неторопливо достал лист.

Он читал и с каждой строкой его лицо становилось все серьезнее. Наконец, он отложил лист. Потом снова взял его, и снова пробежался глазами. Закончив, он скомкал бумагу. Лицо его было слегка растеряно. Толстяк фамильярно бросил ему зажигалку. Полковник чиркнул и поднес пламя.

– Зачем? – тихо спросил он, наблюдая, как пламя пожирает скомканный лист.

– Гросс, я же говорил Вам, не пытайтесь заглянуть в декольте императрицы. Не пытайтесь понять ее капризы. Зачем Вам это? У Вас есть задача, которую необходимо выполнить – выполняйте.

– Я подумую, – сказал Гросс и резко встал.

– Мне очень жаль, – сказал Дон, и взгляд его засветился леденящим холодом – простите, что забыл вас предупредить. У человека, знающего содержание правого конверта, может быть только одно решение.

9 июня. Утро

Дана взяла кубик белого цвета, покрутила его в руках. Он был необычный, из пористого, шершавого, на ощупь, материала. Грани кубика содержали выпуклости и пазы. Дана осторожно выбранной стороной поставила его на вершину выстроенной ей пирамидки из таких же кубиков. Пазы защелкнулись. Она почувствовала это тактильно, кончиками пальцев. Дана, закусила губу, замерев на секунду, выдержала гроссмейстерскую паузу и медленно развела пальцы в стороны. Пирамидка качнулась.

– Стой! – коротко крикнула Дана и замерла

У нее захватило дыхание. Пирамидка качнулась в обратную сторону и остановилась

– Ммм, отлично! – произнесла она удовлетворенно, – так-с, идем дальше

Она бросила взгляд на пол, в поисках следующего кубика. Все было усыпано ими. Они были разных цветов и размеров и, чтобы найти подходящие, необходимо было основательно поискать.

Дана разглядела предательски торчащий из пестрой груды белый край

– Ага, вижу. Хотели спрятаться, разойдись-ка, малыши.

Пирамида получались красивой, изогнутой, но очень неустойчивой. Поэтому пришлось рядом построить еще одну и скрепить их перемычкой. Так было надежнее.

Зачем она делала это? Ну начнем с того, что она не помнила, как оказалась здесь и от того была не в духе. Утро, постель, хрустящая чистым бельем, и некто в белом халате, маской на лице и пластиковым планшетом с исчерченными листами поверх, скрепленными металлическим держателем.

– Доброе утро, – поприветствовал ее врач

– К черту утро! Где я?

– Вы в безопасности.

– Что случилось со мной?

Врач перелистнул страницу

– В вашей истории болезни сказано, что вы проходили косметические процедуры в частной клинике, – сказал он, – и, в результате использования неверно подобранных медикаментов, у вас началась сильная аллергическая реакция. Пришлось госпитализировать. Но сейчас все хорошо, мы успели своевременно принять меры.

Он взял ее за запястье, чтобы пощупать пульс. Она выдернула руку:

– ты с ума сошел, какая клиника, какие косметические процедуры, я никуда не хожу, максимум – к парикмахеру или в солярий

– так записано в вашей истории болезни, – пожал плечами человек в белой маске, перелистнув несколько листов на планшете.

Дана успела заметить, что на его листах вместо букв, какие-то рисунки, похожие на паутину. Она недоуменно почесала голову, пытаясь что-то вспомнить, но в памяти был белоснежно белый лист.

– Эмн...

– что?

– а, – она натянуто улыбнулась и растеряно приложила руки к губам, а потом спросила, чуть наклонившись и понизив голос, – понимаю, бред какой-то... а ээээ... как меня зовут?

Врач перелистнул назад страницы и начал, поверх, искать нужную информацию, черкая ручкой с закрытым колпачком.

– Так, – произнес он и его губы под маской шевельнулись, – сейчас... ага, вот... – от ткнул в лист, – Дана... Вас зовут Дана.

Она удивленно подняла бровь и, одними губами, повторила свое имя: «Дана?»

Потом резко встала с кровати в длинной белой рубашке

– В общем так, доктор, – сказала она, подперев руками бока, – бегом неси мои вещи, мне пора валить отсюда.

Врач не шевельнулся.

– Ты глухой? – спросила она, пристально уставившись на него, – вещи, говорю, мне мои принеси! Что не понятно?

– Я принесу вещи, – спокойно ответил врач, – если вы скажете мне куда поедете. Куда заказать такси? По какому адресу вы проживаете, Дана? Вы же не собираетесь сидеть на улице в таком виде?

Он посмотрел на нее вопросительно одними глазами над белой повязкой.

Дана приготовилась сказать, но тут же осознала, что не знает, что ответить, она не помнила ровным счетом ничего. Тогда она попыталась сделать то, что делала лучше всего – соврать. Но и из этого ничего не вышло – она попросту не смогла, даже примерно, вспомнить какие названия улиц могут быть в этом городе. Да и что за город это – она тоже не знала.

Она обреченно села на постель и молчала, небрежно бросив ладони на колени.

– Дана, послушайте, не переживайте, – поспешил успокоить ее врач, – вам лучше сейчас остаться здесь. Это не закрытая клиника. Как только вы вспомните, мы сразу же вас выпишем. Обещаю.

С той беседы прошло несколько дней и Дана уже успела адаптироваться. Ее удивляло, что кроме нее в клинике больше нет пациентов, да и врач всегда был один и тот же.

– Слушай, доктор Хаус, – как-то спросила его Дана, – а где весь народ?

– Что Вы имеете в виду?

– Ну, где остальные пациенты и врачи?

– Почему Вы спрашиваете, вам скучно?

– так, давай ты перестанешь строить из себя умника и просто ответишь на мой вопрос.

Врач пожевал губами за белой повязкой

– Дело в том, Дана, что эта клиника, только для Вас. Здесь больше нет никого. Только Вы и я. Я ваш персональный врач.

Дана с сомнением уставилась на него

– Как это: для меня?

– Ну, вот, собственно, так.

– Ты за сумасшедшую меня принимаешь? – Дана пристально посмотрела на него, понизив тон и наклонившись к нему – это что дурка?

– нет, – ответил он, – это вполне нормальное медицинское учреждение. Извините, мне пора

Он встал и вышел из палаты

«И все-таки это дурка, – думала Дана, выстраивая пирамиды из белых кубиков. – Натуральная, дурка»

Но что делать? Ей было некуда сейчас деваться, с ней хорошо обращались, и она выполняла упражнения, которые ей давал здешний врач. Она просто ждала, что скоро начнет вспоминать и тогда свалит отсюда.

Дана занесла новый кубик над пирамидой.

«Ну что-ж... продолжим. Этот кубик надо развернуть вот так, чтобы совпали пазы и тогда, рядом, как раз подойдет следующий».

Она улыбнулась тому, как легко у нее стало получаться, но сразу спрятала улыбку. Ей не хотелось показывать, что она действительно увлечена, ведь изначально она очень противилась этому занятию.

Ее, если честно, очень удивило, когда врач подошел к ней, взял за руку и, подняв ее запястье с кубиком над недостроенной пирамидой, сказал

– Дана, повторяйте за мной: я задаю этой пирамиде направление растущего дерева. Форма, изогнутая у корней, во-о-т та-а-к, затем ствол с, такой вот, ячеистой корой, разветвление на крону. Она будет расти и крепнуть. Готово.

– Ты очень странный – сказала Дана, уставившись на врача как на идиота, – ты псих, парень, слышишь? Дерево то твое пластиковое – мертвое, в курсе?

– Это ваше дерево, – ответил ей врач.

Дана скептически покачала головой

– Ладно, слушай, делаю это только ради тебя, но терпение у меня почти на исходе. А когда оно закончится, а скоро это случится, я вставлю кубик тебе прямо в башку, понятно?

Дана занесла руку с кубиком в руке, демонстративно уставившись на врача. Прозевав, она неуклюже зацепила конструкцию. Пирамида дрогнула, сильно качнулась и, потеряв равновесие, устремилась на пол. Дана попыталась перехватить падающую конструкцию, но она, разломившись в ее руках на составные кубики, с грохотом разлетелась по полу. Каждый упавший кубик, падая, гадко пропадал в пестрой груде не отстроенных. Их придется отыскивать заново. Каждый. Один за одним.

– Ненавижу! – крикнула она, соскалив зубы, на человека в белой повязке, – Пошел вон! Стоит, никакой помощи! Выметайся отсюда!

Дана, со злости, пнула ногой по куче кубиков, они, как брызги, разлетелись в стороны.

– Долго ты еще будешь заставлять меня заниматься этой херней, а!? Авиценна хренов, когда я начну вспоминать? Слышь? Я, вообще-то, тебя спрашиваю!!

– Нужно продолжить занятия, – прозвучал его голос откуда-то сзади

– Да пошел ты! – Дана даже не обернулась, ее трясло

– Дана, поверьте, это необходимо

Она покачала головой, подняв напряженные плечи, ее бесил его спокойный тон.

– НЕТ!

– Я настаиваю

– да кто ты такой вообще, а?

Дана резко обернулась – за спиной было пусто

– Черт, где ты? Хочешь внушить, что у меня паранойя? Да нет, ты вполне реальный идиот, слышишь? Ты бесполезен, как и все остальное мужеподобное, что шляется, рыгает, несет фигню и часами сидит на порно сайте, почесывая себя между ног! Эй!

В ответ она услышала, как, в другом конце коридора, хлопнула дверь.

«Урод! – Дану колотило, внутри у нее все клокотало, она быстрыми шагами подошла к кровати и резким движением перевернула ее. Со звоном разлетелся металлический каркас, подушка, матрас и одеяло.

– Не смей больше приходить сюда! – крикнула она сквозь стены, указывая перед собой пальцем.

Дана не знала, что делать. Опустилась на пол и растянулась на матрасе. Подтянула одеяло с головой.

Хотелось плакать от обиды и тупости этого практиканта. Но она отучилась от этой дурацкой привычки жалеть себя и пускать по этому поводу сопли. С тех пор у нее исчезли многие привычки свойственные сентименталкам. Да что говорить, она чувствовала себя сильнее большинства мужчин, и это было очередным поводом для раздражения.

Дана перевернулась на бок и смотрела на гору из кубиков. Она вздымалась непосильной ношей. Избавиться о злости непросто, если она уже поселилась внутри. Беспринципная истеричка. Уходя, она чуть ли не сносит дверь с петель, оставив, после себя, все в полнейшем беспорядке рассыпанных угрызений.

«Может, зря я так с ним, – подумала Дана, – он то тут причем? Просто делает свою работу. Не повезло ему, напоролся на меня. Ладно, придет еще, куда денется»

Привычка мужчин возвращаться разжевать свою точку зрения, делает их предсказуемыми и невыносимыми. Какая разница, что ты там собираешься высказать, если никто тебя не собирается слушать? Расскажи стене, она может и не поймет тебя, но, по крайней мере, не придется обижаться за то, что тебя послали.

Она закрыла глаза и, зевнув, поерзала, устраиваясь поудобнее. Дана знала наперед, что ей приснится. То же, что и все время с момента, как попала сюда – она лежит на снегу. Ей не холодно. Вокруг ходят люди, они проходят мимо. Она хочет идти за ними, но тело примерзло к земле, и Дана не может встать. Люди останавливаются, смотрят на нее, идут дальше. Она пытается с ними говорить, но они не слушают ее.

Но спать сегодня не хотелось. Дана открыла глаза. Потолок был абсолютно белый, как и все вокруг. Такой же, как белая, холодная простыня из ее сна. Словно здесь все как там, только вниз головой.

«Интересно, – подумала она, – а кто стирает и заботится о чистоте палаты? За все время она не увидела ни одной уборщицы. Уж не сам ли „персональный врач“ стирает и развешивает на прищепках со своей дурацкой бессменной повязкой на лице? Интересно, а что там за этой повязкой?»

Дана поймала себя на мысли, что заинтригована этим вопросом.

«Надеюсь у него не ноздреватый нос и не тонкие губы».

Она закрыла глаза и попыталась представить его лицо.

Вообще, прямо скажем, врач откровенно не тянет. Но, подруга, признай – в нем что-то есть. Да, но не более. Высок, сложен не ахти. Широкие плечи. Взгляд умен, в меру настойчив и как-то чересчур внимателен. Он просто проникает внутрь твоей головы, как сверло, чтобы понять, о чем ты думаешь. Но, при этом, он не любит смотреть в глаза, когда говорит. А когда слушает – просто не сводит взгляда. Говорит мало, поэтому часто внимательно разглядывает. Сначала это раздражает, как будто смотрит тебе в рот, когда ты ешь, но потом привыкаешь настолько, что без его взгляда не чувствуешь вербального контакта. Словно тебя и не слышат вовсе.

В нем есть нечто не свойственное мужчинам в этом возрасте. Похоже на уверенность, но пассивнее. Или даже на какой-то опыт или на знание. Да, кстати – знание. Внутреннее знание. Но он держит его внутри, в себе, не выставляет впереди себя, как это делают картонные интеллектуалы, пряча за этим свое бесстыдство и пошлость. Он другой. Ему вроде можно доверять, он готов понять. Она осознала, что именно это его отличает – готовность Понять. Он весь в этом и больше ни о чем не думает. Не так, чтобы совсем ни о чем, но, например, о сексе точно нет. Даже если сказать ему в лицо: «парень, я хочу тебя», он, скорее всего, нахмурится, приложит руку к подбородку задумчиво и спросит: «интересно, чем это вызвано? Что ты ела вчера? Дефекация в норме?»

«Да, – подумала она, осознав, что она не помнит сексуальных мужчин в принципе, – так-то он неплохой кандидат на роль горизонтального плана»

Вспыхнули искорки на ее коже. От этого парня не исходит, конечно, какая-то гиперсексуальность, но понимание, что ему безоговорочно можно верить притягивает и расслабляет.

А что если вдруг, вот так внезапно, он придет к ней спящей? Вот она лежит уставшая, соблазнительно и доступно после возведения этих бесконечно утомительных пирамид. Настолько уставшая, что не сможет противостоять ему. Его желанию и его крепким рукам.

Она вспомнила его широкие предплечья, которые с самого первого дня привлекли ее внимание.

«А что, если он внезапно оказался рядом?»

Приятный холодок скользнул по ее коже.

«Он здесь. И?»

Она чувствует его присутствие, но не подает вида, вводя его в заблуждение ровным глубоким дыханием. Он движется к ней, каждый шаг сближает их. Он идет медленно, чтобы получить то, чего достоин. Нежно или силой и не намерен отступить.

«Ну, где же ты?»

Проходит томящая вечность из шагов и ожидания. И вот она уже слышит его запах и волнующий шорох одежды. Он сбрасывает ее с себя, неспешно, обнажая матовый торс и плечи.

Что это? Звякнула пряжка ремня? ...Наглец.

Странно – она почти не знает его, но его присутствие не пугает. А наоборот – возбуждает. Его дыхание, уверенность, сила, спокойствие, в сочетании с его загадочностью, доверием и некоторой симпатией к нему – поистине, незнакомая химическая смесь. Это напоминает новый вкус или аромат, когда невозможно определить, какими средствами он создан, но ясно, что не можешь оторваться, пока не разберешь.

Она прислушалась всем телом. Он замер в тишине. Ей хотелось открыть глаза. Но чувство сладостной неизвестности было сильнее. Она не разомкнула век, отдавая ему всю инициативу и контроль над ситуацией и своим телом. В тишине повисла томящая пауза, в которой громогласно звучали гулкие удары ее сердца.

Вдруг он коснулся ее ноги. Она чуть не вздрогнула от неожиданности!

«Да-а!»

Он коснулся снова. Легко, еле ощутимо. Положил на нее теплую ладонь и остановился. Но движение продолжалось. Их тела пульсировали в точке соприкосновения навстречу друг другу. Потом она различила, что он слегка нажимает, ритмично с томящими паузами.

«Мммм! Недурно!»

Возможно, она поторопилась и раньше времени списала его к бесперспективным.

Затем он подвинул ладонь выше и Дана смешалась – волны выдоха и вдоха столкнулись в ее груди, оттолкнулись друг от друга и прибоем накатили в виски.

Его рука сделала еще движение вперед, словно крейсер, безжалостно нагнетающий все новые, сильные волны. Дана ощутила мурашки, бегущие по шее, которая была испещрена набухшими пульсирующими венами. Щёкотно. Тепло стало разливаться изнутри. Горячая волна прибоем прилила к губам и ушла в самый вниз. И волны продолжали набегать все более полноводные, с каждой секундой все чаще и интенсивнее. Ее тело превратилось в одну пылающую зону. Сдерживать вдохи дольше не было возможным, губы раскрылись, высвобождая горячее дыхание, которое напирало и, неожиданно для нее, вырвалось тихим стоном. Дана закусила губу.

«А он настоящий искуситель!»

Внезапно он поднял руку. И связь прервалась, прохлада коснулась точки разрыва. Она потеряла контакт в одной точке и почувствовала, как все ее тело пульсирует каждой клеткой. Он подключил ее к некоему неведомому источнику желания. Глубокое сбивающееся на стоны дыхание, пылающая трепещущая кожа – в эту минуту она уже ничего не могла и не хотела скрывать.

Она должна видеть его! Глаза, губы, обнаженные широкие плечи.

Вдруг, где-то над ее головой затрещал пронзительный резкий звонок.

В повисшей паузе она услышала, как он... внезапно повернулся и быстро пошел прочь!

Она захотела вскочить и схватить его, не отпуская, прижаться губами. Но ее тело, словно приклеенное, не сдвинулось с места. Она открыла глаза и увидела, что снова лежит на снегу, ее тело, руки и ноги примерзли и высвободить их не было никакой возможности. Дана бросала отчаянный взгляд на удаляющуюся фигуру, которая неумолимо исчезала в тумане.

1 июля

Мне приходилось видеть, как несбыточное сталкивается с рутинным. В первом есть все для триумфальной победы: и отчаянная храбрость, и агрессия, и бескомпромиссность, во втором – ничего. Только превосходящий в невероятные разы объем и глубина.

Первое, как малая кавалерия, несущаяся навстречу редутам вражеской многотысячной армии. Ее отчаянная храбрость, дерзость и дух, вонзается в ширину строя, проникает всего на йоту, захлебывается, замирает, твердея набегающими сзади, как сгусток несломленной энергии и силы и, пульсируя, вонзается вновь и снова проникнув всего на пядь, замирает сдавленное и хрипящее от усилия...

Первый Полководец наблюдает с холма. Его рука лежит на рукояти меча и слышно скрипом краги, как он крепко стискивает его своими пальцами. Лицо скрыто за металлическим шлемом расписанным грубыми «мазками» от ударов вражеских мечей. В прорези – мерцает холодный свет встревоженных глаз.

Другая рука держит поводья в тугом натяжении, тетивой изготовленного лука, так, что скакун хрипит, бешено вращая глазами, раздувает широкие ноздри, гарцуя с ноги на ногу. Он ждет приказа стрелой пуститься в бой, неистово бьет грязным копытом, хвост изогнут дугой и подрагивает рваными рывками.

Но приказа нет. Приказа не будет.

Полководец стискивает веки. Воспоминания вчерашней беседы с адъютантом овладевают им:

«

– *Завтра нам предстоит невозможное...*

– *Мы победим! я точно знаю! Знаете, о чем я думал вчера?*

– *Говори*

– *Я думал о том, что же важнее всего в бою для победы: не бояться врага или не бояться смерти?*

– *Какая же в этом разница?*

– *Огромнейшая! Воин боится врага именно за то, что тот может убить его. Но если не будет страха смерти в принципе, то страх перед врагом исчезает по определению!*

– *Это весьма здравое рассуждение, юноша, я задумаюсь над этим. Только какой толк в этих размышлениях, если страх смерти не победить.*

– *Мы можем победить его. Мы просто должны отнять у смерти главное*

– *Что именно?*

– *Удачу*

– *Удачу? Почему?*

– *Потому что смерть – случайна! Никто не может сказать, кто падет в следующую секунду под градом стрел! Ее смертельное оружие – случай! Только и всего. Вдумайтесь! Удача сопутствует сильнейшим. Один наш воин равен десяти вражеским! А значит, нам нужно перетянуть удачу на свою сторону нашей силой! Мы просто придем и заберем ее первым ударным натиском!*

– *Признаю, что твоя точка зрения, имеет право на Жизнь.*

Полководец улыбнулся одними губами и посмотрел на него. Глаза оставались тяжело грустными и усталыми:

– *Да, ты прав, как может быть прав, только верящий в свою силу человек. Сколько тебе лет, муж?*

– *20... будет*

– Пусть удача будет с тобой завтра, воин... я хочу знать твое имя
– Меня зовут Лаки...

Полководец открыл глаза. Воспоминание отступило, оставшись металлическим послевкусием на губах, как бывает, когда сглатываешь кровь от сильного удара.

Рутинное поглотило несбыточное. Каждого. Последний из первых выплеснул крик боли и отчаяния...

Второе вобрало его в себя. Растворив и впитав. Облизнувшись и урча как сытая кошка. И стало тихо. Только темные, червивые зерна павших тел пугали своей бессмысленностью. Отчаянное войско пало.

Первый Полководец опустил меч.

«Где она Удача, которая должна сопутствовать сильнейшим? Или мы оказались недостаточно сильны?»

Он почувствовал себя умалишенным человеком, который тщетно пытается нанести урон водной глади. Он с силой бросает в самую пучину все, что у него есть. Вода взрывается, высоко всплеснув прозрачными рукавами от, вонзившегося в самое нутро, удара, а затем, ныряет вслед, оставляя на поверхности только немые силуэты широко раскрывающихся от боли губ.

Вода сомкнулась зеркальной гладью, как ни в чем не бывало и из глубины, отражением, выглянул убийца...

Снова этот сон. После него, я просыпаюсь с ощущением, что не спал. Что-то в нем от меня. Только что?

Это ветер из окна с открытой створкой, разбудил меня. Я встал. Темно. Слышу – листва шепчет тайные заклинания. Воздух, обдал мое обнаженное тело знобящей волной. Я попятился назад, шаркая босыми ногами и зябко сложил руки на груди, приложив горячие ладони к плечам, но пошел вперед снова. Перегнувшись через раму окна, я почувствовал высоту, от которой йокнуло в груди.

«Странно, – подумалось мне, – почему жизнь можно ценить только на краю? Жизнь, ценность которой смехотворна, при взгляде с любой точки звездного неба. А этих точек – не счесть. Бесчисленное количество аргументов, что ты никто и, при взгляде оттуда – у тебя нет никакого смысла существования. Но, когда ты здесь, внизу, и смотришь на небо, как я сейчас, ты видишь свои скрытые судьбоносные предназначения.»

Мир за дверью встретил меня сырой прохладой, я вдохнул ее глубоко, грудью и почувствовал, что она согревается во мне. Вязкий городской туман оседает на языке, касается моей кожи, волнует. Да, это безумно тяжело, быть человеком, но как же это удивительно! Если слушать себя изнутри, чувствовать глубину, ее неизмеримость, ступая босым по вязкому илистому дну. И это невозможно передать никаким языком программирования.

Невозможно создать робота, способного понять тончайшие человеческие чувства. Робота, который сможет склониться над травой, вдохнуть ее аромат, прикоснуться подушечкой пальца к россыпи росинок на стебельках и осязть, как они дрожат от прикосновения с неслышным хрустальным перезвоном. А потом, вспомнить жгучее событие из далекого детства. Теплое, яркое и невозвратимое. Упасть на траву закрыться руками и рыдать, то ли от грусти, то ли от счастья, кусая губы, от непонятной, переполнившей сердце, тоски, вперемешку с ощущением безысходности и умиления. Как же так? Маленькая, тонкая травинка с хрустальной каплей меньше булавочной головки вызывает все эти сильные смешанные эмоции, способные лишать самообладания. Разве после этого всего можно роптать, что ты человек? Это не иначе, как хрестоматийное жестокосердие по Достоевскому, когда открыто чувствующий человек, стыдится себя за проявление искренних чувств.

Я поднял голову, опьяненный ароматом зеленых листьев. На меня мрачно глазела проходящая, преклонного возраста, женщина. Она стояла с мятым пакетом Givenchy в руках, из которого торчал, толстым стеблем, вилок пекинской капусты и смотрела на меня с брезгливым презрением. Выдающаяся старческая грудь вздымалась от испуганного сбитого дыхания.

Я поднялся. На моем лице были слезы, ошалелая улыбка, на щеке я ощущал несколько травинок, меня слегка штормило от переполняющих чувств.

Женщина отвернулась и пошла прочь, пробурчав:

– Пьянь. Нахлобчатся и пасутся как лошади.

А я не обиделся нисколько и засмеялся. Громко, раскатисто. Мне было действительно смешно от ее слов. Как замечательно смеяться, вот так, когда по-настоящему смешно, никого не стесняясь

Женщина сразу прибавила шаг, пугливо оборачиваясь. Я смеялся потому, что именно так я мог выразить сейчас свое осознание того, что я есть.

Затем я пустился по улице бегом. Чтобы ощутить динамику меняющейся природы и своего тела. Просто желание глупое. Но оно жгло меня. Не зажатое, инстинктивное и простое. Я пробежал метров триста по заброшенным, покрытым вспученным асфальтом, трамвайным путям. Дыхание сбилось, и я остановился отдышаться. Воздух сновал в моей груди.

Я не могу насытиться этим ощущением себя, как человека и почему все вокруг не могут этого понять?

Мне много нужно сказать Дане.

«Интересно совсем глупо будет звучать, если я просто войду к ней и представлюсь: «Добрый день. Я – Первый Полководец Милан. Я люблю Вас.»

10 июня

Дана почувствовала сразу, как он вошел. Хотя не скрипнула дверь, не дохнуло сквозняком и не было шагов за спиной. Вот так бесконечно ждешь и не можешь отучить себя от этой разрушающей ненавистной необходимости ждать как проклятый, несмотря на все увещания разума, несмотря вообще ни на что, и тут, по непонятному импульсу внутри, вспыхивает спасительный трепет.

Ооо, Боже милостивый! Все ради этого, ради молниеносного мгновения, в которое вмиг излечивается многочасовая боль, когда понимаешь, что ждал, заточенный внутри истерзанного сознания, не зря и хочется упиваться этим считанным мгновением безмятежности, каждый из которых равен суткам истощающего ожидания. Вся воля, столько времени стойко держащая тебя на ногах со сжатыми добела мышцами, тянущими вздутые вены от напряженных пальцев по поверхности предплечий, дает сбой. Так падает без сил за финишным створом атлет, преодолевший многокилометровую дистанцию, и, в первую очередь, себя самого, а теперь, выпучив глаза, отдающий последние силы, лежа на земле, ради одного – чтобы жадно надышаться жизнью, обжигающей легкие. Секундное мгновение пересечения финишной черты, после нескончаемых лет тренировок. Постоянное насилие над собой, чтобы на некоторое время превратиться в счастливую сомнамбулу. Существо, проживающее дьявольски долгую ненавистную жизнь, в постоянном ожидании считанных минут счастья и безмятежности. Сколько таких сейчас едут в одном с вами вагоне метро?

«Он пришел. Он здесь» – трепетно подумала она, но не подала виду, хотя мгновенно почувствовала, тот самый, спасительный, прилив спокойствия и улыбка заиграла на ее лице.

Дана не могла понять свои ощущения. Не понимала, она злиться на него, или на себя, или на все происходящее. А может ее просто стало угнетать одиночество. Это непонимание раздражало ее. А еще, тот ее сон. Ведь она не спала, но в итоге оказалась снова на снегу, по ту сторону. И он был там. Этот врач присутствует везде, во всех измерениях.

Она повернула голову в пол оборота – он слонялся между пирамидами, останавливаясь между отдельными, внимательно, детально рассматривал их, иногда даже приседая и ковыряя в кубиках пальцем.

Та серьезность, с которой он относился к ее занятию, удивляла ее. Он не был похож на ненормального, но как-то по-особенному, до одержимости, верил в то, что они делали, круглые сутки, помогая ей во всем.

Дана снова взглянула на него в ракурсе ее последнего сна.

Его белый халат распахнулся, когда он, опустившись на колени, рассматривал последние пирамиды, считая кубики и фиксируя все на листах своего планшета. Со спины он был отлично сложен. Бессменная белая повязка на его лице двигалась от его дыхания.

«Если мне снится такое значит я... значит он... Нет-нет, не в коем случае не он! Я. Дура. Да в чем дело? Ага, идет. Тссс»

– Здравствуй Дана.

– Привет, – Дана заглянула в его глаза, лицо было скрыто повязкой.

«Зеленые. Грустные»

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он

Дана сделала неопределенное движение рукой, наклонив голову в сторону.

– удалось что-нибудь вспомнить?

Она покачала головой, он нахмурился. Дана заметила, что, когда он так сделал, на его лбу появилась большая вертикальная складка, глаза показались еще более усталыми.

Странно, какое вселенское значение начинают приобретать глаза, когда, нижняя часть лица скрыта. Они не только становятся образом человека, но и, одновременно, сочетают в себе

мимику всего лица и уже видишь линию рта, разрез губ, нос, изгиб скул, мочки ушей. И именно свет глаз определяет привлекательность всей внешности.

– Нужно многое переделать, ты сделала там неправильно, – сказал он, все еще хмурясь и брови его разделяла все та же большая вертикальная складка, – мы неверно расставили часть фигур. Смотри, вон там, видишь? Он повернулся и указал рукой на дальнюю часть комнаты, где стояли пирамиды:

– я ведь объяснял, как нужно, но ты, видимо, прослушала. Пойми – очень важно, чтобы была идеальная симметрия. Понимаешь?

Дана не ожидала такого наскока. Она стояла, хлопая ресницами, и смотрела на него. Несколько дней она занимается эти треклятыми пирамидами и скоро они будут снится ей во сне, а тут, выясняется, придется все переделывать.

– а что не так?

Он взял ручку и развернул к ней планшет с листами.

– Смотри, ты сделала вот так, – он стал рисовать короткие быстрые штрихи, – и получается, что здесь и здесь теперь разночтения, – он, со значительным нажимом, подчеркнул на листке ее ошибку. – сейчас нам нужно вот эту часть переместить вот сюда и точно рассчитать, в дальнейшем, чтобы не пришлось снова переделывать, хорошо? Ты слышишь меня, Дана?

Она стояла растерянная и смотрела на листы, сложив руки на груди, но блуждала мыслями где-то далеко. Ее смоляные черные волосы были собраны на затылке, но две пряди, выбившись, спадали вдоль ее лица, чуть касаясь щеки.

– Послушай, – сказала она, убирая прядь за ухо, – я так устала, честно, давай потом, а?

– Дана, пойми нельзя, время идет, а нам нужно...

– Потом! – громко крикнула она, оборвав его, – Нужно, но – потом!

Повисла пауза, в которой Дана бросила на него разочарованный горящий взгляд. Она почувствовала себя набитой душой, поверила в какую-то полнейшую хрень, занимается какой-то несусветной глупостью. Находясь в клинике, не делает процедур и не принимает лекарств, а целыми днями складывает дебилские кубики в пирамиды. Что это за хренова методика такая!? И почему он отчитывает ее как детсадовскую девочку!?

Он попытался взять ее за руку, чтобы что-то сказать. Дана отдернула руку, оставив ее высоко на весу и отвернувшись вполоборота:

– не трогай меня! – зашипела она, – иди и сам собирай свои пирамиды!!...

Она оборвалась на полуслове, эйфория от его прихода сменилась раздражением. Он относится к ней, как к объекту с историей болезни, врачебному эксперименту. То, что он никогда не снимал маску, сейчас показалось подтверждением того, что она заразна и он обращается к ней, как с очередной пациенткой, которых тысячи лежат в открытых настежь палатах больниц.

– Что опять что-то не так? Ты меня бесишь! И эта комната меня достала! Почему я сижу тут безвылазно, как за решеткой? Где люди? Где лекарства в стаканчике, а? И ты кто такой? Что уставился на меня? – грубо сказала она, в ответ на его настойчивый взгляд, – Что? Ну, говори! Чистоплюй в масочке, заткнулся!? – она вырвала исчерченные листы из скрепки на его планшете, и веером бросила из на пол – все это херня! Очнись, методика твоя полное гавно, а я – твой реально тяжелый случай! Ну и что ты будешь делать теперь, а? Что? Не знаешь? А я скажу тебя, напрягай свою тощую жопу и топай отсюда к главврачу или кто у вас там, чтобы он отправил тебя домой! Ты уволен! А то, что тебе не нравится то, что я сделала, так это я сейчас быстро исправлю – разбомблю все к чертям!

Дана быстрым шагом направилась в выстроенным фигурам, но Милан резко схватил ее за руку. Цепко, как тот самый маньяк из ее сна с рукой-крюком. Второй рукой, он сильно при-

жал ее к стене. Она отлетела. Прогремел глухой удар и Дана вскрикнула, уставившись на него дикими глазами.

– ты что, сдурел? – взвилась она, – отпусти меня, урод!

Дана попыталась высвободиться, но он, внезапно, свободной рукой, одним движением, отдернул штору окна слева от нее. Дана похолодела от увиденного – за стеклом был разрушенный город с развалившимися зданиями, и выбитыми стеклами, за которыми не было света. Дома, напротив, торчали, как раскрошенные почерневшие зубы и не было ни одной живой души, город хранил мертвенное гробовое молчание. Дана разжала пальцы, и врач ослабил хватку. Она медленно сползла по стене, глядя перед собой.

– Где я? – спросила она громким шепотом.

Она смотрела перед собой помутневшими зрачками, в которых как на фото пленке запечатлелись разрушенные мертвые здания.

– Это не имеет значения, – тихо ответил он.

И у нее не было сил ему возразить. Она сидела, приоткрыв рот и обняв колени руками.

– Кто ты? – спросила она едва различимо.

– я тот единственный человек в этом городе, который здесь, чтобы помочь тебе. На тысячи километров нет ни одной живой души. Только ты и я.

Он посмотрел на Дану, затем подошел и осторожно обнял. По ее щекам сползали одинокие крупные как бусины слезы.

5 июля

Гросс толкал тележку по аллее огромного супермаркета. По странному стечению обстоятельств, ему снова попала тележка с дефектным колесиком, который, при езде, болтался, скрипел и тянул вправо. Гросс был требовательным, но при этом не любил демонстрировать свою придирчивость к деталям, поэтому, приходя за покупками, всегда брал первую попавшуюся тележку из нескольких припаркованных у касс и почти всегда у нее проявлялись проблемы. Вот и сегодня, пока она еще была пустой, можно было делать вид, что с ней все в порядке. Но когда она уже стала значительно нагружена, контролировать ее курс движения можно было только двумя руками.

Гросс взял пакет с листьями салата с овощного прилавка, скептически осмотрел увядающие листья, бросил его назад и направился к рыбному отделу.

– О какие люди! – услышал он за спиной, – несравненный полковник Гросс собственной персоной!

– Добрый день, Дон. – ответил Гросс не оборачиваясь, – Ваших лихих гвардейцев я заметил еще на парковке.

– Да, я все чаще думаю о том, что надо сменить своих тафгаев на более изящных бодигардов. А то с этими широколобыми весь мой нуар и эвфуизм летит к чертям.

– Вы рассуждаете, как дама, которая подбирает туфли к своей новой сумочке

– Ох, полковник, вы ходите по краю! Пока я размышляю обижаться на ваши слова или нет, прямолинейный вы мой, скажу вам: Отнюдь! Мне ближе фьюжн!

– я не понимаю и половины, слов, которые вы говорите.

Дон тщеславно улыбнулся.

– Полковник, не утруждайтесь, я привык. Мне приходится жить в мире, где как плесень соблазнительной красоты процветает полнейшее невежество. Каждый день, мне приходится делать вид, что мне интересны примитивные интересы, которые главенствуют в нашем социуме. Поддерживать безвкусные, вульгарные темы разговоров. Меня воспитала мать, отца у меня не было. Она была актрисой театра при затхлом театральном училище. Увы, Бог не наделил ее достаточным талантом, чтобы реализоваться в этом амплуа. Но она не готова была объективно принять то, что мир глух к ее скрытому таланту, поэтому она буквально истязала себя до бездыханного состояния, постоянными репетициями и выступлениями в ролях второго плана и в массовке. Когда все же осознание неизбежности пришло к ней, она оставила сцену, как подобает глубоко творческому человеку – обижено, в одночасье. Но решила сделать меня бриллиантовой брошью на своем потускневшем театральном лацкане. Она хотела вложить в меня все, что не смогла реализовать сама, чтобы оправдывать мной свои интеллектуальные амбиции перед родственниками и друзьями. Боже, сколько книг я прочел в неволе под ее блюстителем оком! Сколько невыносимых театральных и балетных постановок мне предстояло вытерпеть. Стихи за завтрак и на ужин, философские труды на обед, исторические трактаты стали для меня противнее, чем гречневая крупа без соли. А она все продолжала и продолжала впихивать все это в меня интеллектуальным фастфудом, до тех пор, пока у меня не начались серьезные проблемы с памятью. Я стал забывать, не только содержания книг и имена героев, я стал забывать события прошлого дня, так словно меня там и не было! Она не позволила вести меня к врачу, поскольку родственники не раз критиковали ее методы моего воспитания. И обратиться в больницу означало бы признать свою неправоту. И сегодня по ужасно циничной иронии судьбы, я не помню практически ничего, что все это время читал или смотрел. Память об этом как будто стерта форматированием. Но самое печальное то, что я, видимо, по той же самой причине, совсем не помню матери.

Дон задумчиво замолчал

Я сочувствую, – произнес Гросс, потому что после такого откровения необходимо было что-то сказать.

Толстяк благодарно крикнул, махнув рукой:

– Полковник, я отвлекся. О чем я собственно? Ах да! у к вам по сути один весьма пустяковый вопрос.

– Какой?

Дон жеманно скуксил лицо:

– Полковник, ну перестаньте, ей Богу! Вы прекрасно знаете, о чем я хочу вас спросить!

Гросс испытующе смотрел на него, не отводя глаз:

– не имею представления, – спокойно сказал он

Дон театрально закатил глаза

– Ну хорошо, хорошо, – раздраженно сказал он, – что Вы решили по поводу нашего с вами мероприятия?

– У нас нет с вами никаких мероприятий, – уверенно парировал Полковник

Дон шумно выдохнул, и медленно продекламировал, обнажая зубы:

– Милейший, Вы чрезвычайно злоупотребляете моим терпением, а это, я вам скажу, весьма рискованное занятие

Он замолчал, видимо раздосадованный своим откровением, которое так и не позволило расположить к себе Гросса. Толстяк склонился над открытой витриной, взял йогурт в запечатанном пластиковом стаканчике, как бы случайно уронил его на серый наливной пол и с хрустом придавил его лакированным ботинком, не сводя с Полковника испытующий полунасмешливый взгляд. Йогурт брызнул в разные стороны из-под под его подошвы.

Гросс и глазом не моргнул. Он тихо, но четко произнес:

– Глупый фокус для школьной елки. На то, чтобы свернуть вам шею, мне достаточно двух секунд и то, что вы еще живы, так это только потому, что Я проявляю свое терпение.

Дон перевел на Полковника проницательный взгляд

– свернуть мне шею? и чего вы добьетесь? – спросил он, с его лица не сходила ироничная улыбка, – ну убьете вы меня у всех на виду, что дальше? М? Расскажите, мне очень интересно!

Гросс молчал. Толстяк развел руками:

– Вот видите, Полковник, в современном мире сила уже не имеет решающего значения. Важна стратегия и тактика. Важно предугадывать ходы и проводить контрмеры еще до того, как противник сделает то, что задумал. А это уже качество вершителей судеб. Ваше преимущество в том, что вы сильнее меня, а мое в том, что я вас переиграю. Я просчитал все ваши ходы, поставил защитные редуты и заманил вас туда, где я заведомо одержу победу. Я предсказал вашу судьбу Полковник!

Дон медленно обошел вокруг Гросса, демонстрируя, таким образом, свое превосходство.

– Вот вы думаете, что я хочу вам зла? Вы ошибаетесь! Я хочу вам помочь! Да, Гросс, помочь! Я предлагаю вам сделать то, что вы отлично умеете и заработать сумасшедшие деньги. Кто еще вам предложит такое? Да вы должны благодарить меня, а вы вместо этого грозитесь свернуть мне шею. Зачем? Если я предлагаю вам то, что изменит вашу жизнь! Вы больше не будете нуждаться и искать себе оправданий. Вы станете тем, кем всегда мечтали быть. Я дарю вам это право! От всего сердца дарю! Возьмите! И я не понимаю, почему вы сомневаетесь, что вас останавливает. Вы боитесь закона? Гросс, я здесь закон и уверяю вас, вам ничего не грозит. Вас тревожат вопросы морали и нравственности? Вы боитесь порицания? Позвольте, а судьи кто? Вот эти люди вокруг?

Дон с плохо скрываемой брезгливостью указал пальцем на проходящих мимо немолодых безвкусно одетых женщин и продолжил:

– А какое право они имеют судить? Вы задумайтесь на секунду, Полковник: в мире не существует безгрешных людей. Не я это придумал и не мне отменять. Каждый из них что-то

да натворил. Тогда какое моральное право они имеют осуждать? Вас просто некому осуждать, потому что каждый из этих людей грешен. И, сперва, он должен держать ответ за свое содеянное, а уже потом судить. Но люди не любят жить правильно, они запрограммированы на преступление правил, фактически, на зло, в том или ином масштабе. Но оправдывает ли человека то, что он творит малое зло, а не большое? Нет! Вот если бы таким мелким пакостникам выпала возможность сотворить большое зло за соответственное вознаграждение, они смогли бы удержаться? Поверьте мне Полковник, уже столько людей прошло через мои руки, человека от зла останавливает не праведность, не церковь и не Бог. Человека останавливает отсутствие доступа к злу. И стоит ему открыть этот доступ, дать ключ от этой искусительной двери, как он уже заражен, он откроет ее не сегодня, так завтра. Потому что такова сущность человека, он сомневается, пока ему есть, что продавать. А тот, кто не продажен – живет в иллюзии собственного выбора. А на самом деле он несчастен, потому что всю жизнь вынужден искать оправданием своим решениям.

Дон остановился прямо напротив Полковника, широко расставив ноги

– Как видите, Гросс, – продолжал он, – Я предлагаю Вам сделать то, что сделал бы каждый, получи он этот шанс. Но он выпал именно вам. Так что вы решите?

Гросс все это время спокойно смотрел на Дона. Ни один мускул не дрогнул на его лице за время этой тирады. Он стоял, засунул руки в карманы куртки.

– Мой ответ пока без изменений, – спокойно сказал он, – я думаю над этим, и как только приму решение – сразу сообщу. Разговор окончен

Он развернулся, удерживая тележку одной рукой, и направился к выходу. Тележка предательски закулила колесом и начала вырываться в сторону.

– Иллюзия собственного выбора, Гросс! – кричал ему вслед толстяк, – это когда вы ищите себе оправдания. Решение уже принято, не так ли? Иначе вы бы даже не стали со мной говорить!

Тележка в руке Гросса неистово трепыхалась, когда Полковник убежал от пущенного ему в спину вопроса. Он со злостью оттолкнул ее, и она покатилась в сторону витрины с моющими средствами. Тележка врезалась в нее и с полок начали сыпаться банки и флаконы.

Проходя мимо касс, Гросс грубо оттолкнул людей, которые мешали проходу. Они завизжали, однако Гросс даже не обернулся.

Он вышел на улицу и, быстро шагая, сделал глубокий глоток свежего воздуха. Странно, никто не мешал ему сказать «нет», но еще никогда Гросс не чувствовал себя настолько зажатым в невидимой и крепкой западне.

11 июня

Дана проснулась ночью от непонятного шороха. Еще не разлепив век, она молниеносно почувствовала – в комнате кто-то был.

Она юркнула под одеяло и замерла, вслушиваясь в темную тишину. Увиденное сегодня за окном, холодящий сознание город-призрак, рождал в ее голове, в сумраке хлынувшей ночи, множество паранормальных фантомов.

Дане мерещились мистические тени скользящие по, лишенным жизни, проспектам. Приходилось ли вам, кстати, задумываться о том, что мы живем на улицах, названных, нами же, в честь мертвецов? На улицах где живут и играют наши дети. И где же наше суеверие? Каждый город, как старый замок, комнаты которого дышат тлетворным дыханием тех, кого мы не отпускаем на заслуженный покой, в угоду своим обязательствам вечной памяти.

Дана сейчас осязаемо ощутила, что эти тени вошли в ее комнату. Что-то склизкое двигалось в темноте прямо к ней и дрожь пробежала по ее спине. Сдерживая себя от резких движений, она медленно стала поджимать, оголившиеся из-под одеяла, ноги. Тягучий шорох белья был нестерпим. Она замирала, вслушивалась, потом, еще медленнее, продолжала снова. Дышать было тяжело, лицо покрылось испариной. Она осторожно проложила небольшой туннель, рукой, в складках одеяла и, через него, вдохнула спасительный свежий воздух, выдохнула под одеяло, и снова вдохнула через узкое пространство. Неожиданно, она увидела мрачный силуэт в черном туннеле. Чуть не вскрикнула, сжавшись в комок, задрожала, перестав дышать, и сомкнула образовавшуюся пуповину. Невыносимо дышать одним воздухом со своим страхом.

Но нечто не ушло и стояло прямо перед ее кроватью мерзкое, страшное и выжидало, видя, как она пытается схорониться. Она различила странный шепот. Что за слова? Не разобрать. Она пыталась образумить себя, что это просто страх и перед ней никого нет. После увиденного за окном, она не знала во что верить.

Вдруг послышался щелчок в комнате и Дана от неожиданности вздрогнула, распрямив поджатые ноги. одеяло прыгнуло с ее лица, она увидела, что у кровати действительно никого нет. Обвела взглядом вокруг – вон он там! Темная скрюченная фигура слонялась между пирамид. Со спины она узнала его – врач.

Привстав на кровати, она прищурилась: «Да это точно он». Он, похоже, не заметил, что Дана проснулась. Накинув одеяло на плечи, она очень тихо встала и одела тапочки. Решила не шуршать, скинув их, медленно пошла к нему, продолжая всматриваться в его лицо со спины. Она так и ждала, что он сейчас резко обернется и лицо будет обезображено страшной нечеловеческой гримасой, как в фильмах ужасов.

Нет, она поступит иначе. Дана неслышно подошла к стене и щелкнула выключателем. Свет брызнул, и она сощурилась.

– что ты здесь делаешь?! – громко и холодно спросила она

Он вздрогнул и обернулся, глаза его были растеряны, в руке застыл кубик. Он попытался объясниться, но слова его смешались

– ээээ... я просто... надо закончить... извини я сам... сам... ты не думай... я даже не думал... честно.

– Что ты здесь делаешь? – повторила она

Он не ответил. Только, виновато, стоял с кубиком в руке.

– ты решил сделать все сам?

Дана стояла в нерешительности.

– не понимаю, это действительно настолько важно? – Она смотрела на него, с сомнением, сжимая полы накинутого на плечи одеяла на своей груди.

Он кивнул. Дана смягчилась
– давай я помогу тебе.

Они начали передвигать фигуры вместе. Некоторые приходилось разбирать и собирать заново. Но было проще, ведь кубики были уже подогнаны. Дана аккуратно складывала их в разложенном на полу одеяле, потом собирала его с разных концов тюком и перетаскивала на новое место. Они работали вместе несколько часов, не проронив ни слова, но при этом было легко, не напряжно от этого молчания. Как в команде, где все понимают друг друга без слов.

Наконец, все было сделано. Он еще раз внимательно осматривал конструкцию, а потом подошел к ней, фиксируя, в бумагах. Затем обернулся к ней.

Они долго сидели у стены, прямо на полу, отдыхая, сложив руки на коленях и молчали, каждый думая о своем. Дана устало откинула голову и внезапно свет погас – она затылком задела выключатель. В комнате было уже не так темно, поднимающийся рассвет, светящимся кантом сочился из-под зашторенных портьер. Дана не стала включать снова.

– прости, – воспользовавшись полумраком, сказала она, – я была неправа.

Она повернулась к нему. Он сидел и смотрел на свет из-под шторы.

– Я не могу, – ответил он

– В смысле? Ты не можешь простить?

– Да

– Почему?

Она помолчал, подбирая слова

– не знаю, попытаюсь объяснить. У меня есть понимание, что в основе любых отношений лежат две философии: философия сына и философия отца.

Его голова лежала на стене, слегка наклонена, и он смотрел вперед, немного потухшим взглядом.

– Сын относится к отношениям, как максималист, – объяснял он, – он может любить отца всем сердцем, но, в некоторых ситуациях, отворачивается, обижается, или, даже, уходит из дома. Таков уж сын.

Последние слова прозвучали обреченно. Возможно даже, он говорил о себе. Рот его был скрыт медицинской повязкой, но Дана различала движение его губ.

– а отец не может так, – продолжил он, – он не должен так. Он Отец. Нет, он, конечно, может повышать голос или дать ремня, но не имеет права уйти, оставить сына или бросить. Он обязан остановить его. Он обязан остановить себя. Найти, обнять и вернуть сына домой. Что бы не случилось. Такова философия отца.

Он перевел на нее свои глаза, нахмуренные и безмятежные

– Я не могу тебя простить, Дана. Я стараюсь быть отцом, который неспособен обижаться на своего сына. Я не обижен, понимаешь?

– на меня?

– да. Сейчас – да

– а раньше?

– раньше?

– да, ты сказал «сейчас да», значит, раньше был зол?

Он задумался, хотел что-то сказать, но ничего не ответил.

– мне пора, – вдруг сказал он, поднимаясь, – надо выспаться. Спокойной ночи, то есть утра.

Ее поразила перемена в нем. Он занервничал, потоптался в нерешительности, потом виновато сказал «Спасибо» и вышел.

5 июля

Вечерело. Я вылезал через окно на первом этаже. Нажал на белую пластмассовую ручку, и створка подалась. Шум улицы, как тополиный пух разлетелся по комнате, двигаясь в застоявшемся воздухе вертикально, подобно маленьким медузам в темно-синей глубине. Я воровато оглянулся в темной комнате, закинул ногу на улицу, держась за раму, подтянулся и осторожно спрыгнул вниз. Потеряв равновесие, оперся руками на асфальт, и мелкие камушки впились в кожу. Отряхиваясь, я выглянул из переулка.

Это был мой второй выход в свет, он был уже не таким волнительным, но, все равно, мое тело трепетало.

Я увидел патрульную машину у дверей дома. В ней мирно спали полицейские. Какие-то люди, бежали через улицу с видом грабителей, покидавших хранилище ограбленного банка.

Я и сам выглядел как вор на месте преступления и не хотел, чтобы меня видели. Улучшив момент, я осторожно вышел из убежища, направился по лужайке и замер в тени ближайшего дерева. Полицейские, не кстати, проснулись. Один из них, молодой широкоплечий брюнет, вышел из машины.

– На обход, – коротко бросил он, зевая, второму, хлопнул дверью и, включив фонарик, пошел по траве.

Он прошел в десятке метров от меня, широко шагая. Я вжался в ствол, и сумрак поглотил мой силуэт. Он пройдет и у меня появится возможность двигаться!

Я посмотрел на второго в салоне автомобиля. Он зевнул, попытался потянуться, но руки его уперлись в потолок, поэтому он вылез и начал потягиваться в разные стороны, громко кряхтя. Этот был заметно старше первого, с округлым животом, висящим над пряжкой ремня. От его упражнений рубашка выползла из брюк и небрежно висела лапами вверх.

– Эй! Что за херня? – донесся крик молодого из-за угла дома.

– Что там? – ответил старший, бесстыдно расстегнув брюки, прямо посреди улицы и заправляясь.

– Тут стекло разбито!

– Стекло? – он замер, вслушиваясь, – Какое еще стекло?

– На втором этаже! Окно в комнате. Я осматривал дом час назад – оно было целое, клянись!

– Да ты что, реально? Стой там. Иду!

Толстяк открыл заднюю дверь, взял фонарик, дубинку и направился в сторону дома. Он включил свет фонаря и, шагая, начал им беспорядочно водить по площадке в такт движениям руки. В один из таких движений, его луч прошелся прямо по мне. Мое сердце сжалось, его обдало кипятком, оно бешено заколотилось.

Он не отреагировал, сделал еще несколько шагов, но потом вдруг застыл, осмысливая что-то и резко повторно направил фонарь туда, где я был. Именно был, потому что еще за секунду до этого я, дикой ланью, понесся, по пустынной аллее, звонко шлепая босыми ногами

– Стооооой! – закричал толстяк, и рванул за мной

– что там? – послышался голос молодого

– за мной!

– кто там?

– не знаю! Хватай его, разберемся!

Убежать от толстяка не составило бы труда, но молодой сиганул с такой прытью, что, с каждым шагом, стал приближаться.

– Стояаааааать! – кричал он мне в спину.

Я прибавил скорости, захлебываясь дыханием. Эдак я долго не протяну, надо что-то делать.

Впереди, в бесконечно тянущемся заборе, мелькнули старые кованые ворота с ажурным силуэтом, в нижней их части зияла распахнутая калитка. Я сходу занырнул туда, попав в темный лиственный переулочек, и понесся по влажной травянистой тропинке. Пробежав с десятков метров, я затормозил. По краям тропинки шли густые лиственные кусты, можно было просто запрыгнуть в самую гущу и лежать там незамеченным. Пока я раздумывал, тяжело дыша, мой преследователь показался у ворот:

– Стой! – снова закричал он, но уже не так продолжительно, как в прошлый раз. Не позволило сбитое дыхание.

Я сиганул, проклиная свою нерасторопность. Просто прыгни и лежи! Зачем думать?!

Тропинка петляла между деревьями, кусты больно хлестали меня и царапали лицо

«Пшшшшт» – раздалось сзади, звуком включенной рации

– свернули... направо... – услышал я сбивающийся голос полицейского, говорящего на выдохах, – Бежим... вдоль... пустыря... как понял?

«Пшшшшт, пшшшшт» – дважды в ответ пшикнула рация

Я резко свернул, на этот раз налево, потому что, по моим расчетам, толстопуз должен был двигаться наперерез, где-то с правой стороны. Я бежал вдоль палисадника с крупными красными цветками. Дыхание полицейского слышалось все ближе, потому что ему не пришлось выбирать дорогу, он просто бежал туда куда и я.

Бежать босиком было больно, и я проигрывал в скорости. Чувствовал, что он настигает меня. И в эту минуту решение само пришло в голову. Я резко остановился, став столбом и затем рухнул как подкошенный вниз, на колени, вжав голову в плечи и выгнув спину торчащим пнем.

Он не ожидал, пытаясь затормозить, выставил ногу, но та поехала по траве и больно ударила меня в ребро. Ее зажало. Он ухнул кувырком через меня, громко вскрикнув, его колено щелкнуло странным звуком, и он кубарем покатился по траве, издавая сдавленные стоны.

– Аааа, – кричал он от боли, скрючившись и держась за колено, – ты мне ногу сломал!

– Извини, – начал оправдываться я, – я не специально...

Сзади показался второй полицейский, бегущий наперевес с огромным пузом.

– Стой! – сипло крикнул он на выдохе.

Он бежал из последних сил, пытел, как старый дизельный джип, забирающийся в гору. Другого шанса не будет. Я вскочил, побежал к забору из профлиста, который шел сбоку. Вскрабкался на него по-обезьяньи и спрыгнул вниз. Толстяку это было не по силам повторить такой трюк, но у них была рация и мне нужно было быстрее куда-то исчезнуть.

Улица, по ту сторону забора, была ярко освещена огнями. Скрыться здесь было нереально. На другой стороне дороги стоял дом с гаражом, железная дверь которого была приоткрыта. Внутри зияла темнота. Я рванул к нему и, промчавшись, не иначе, как гепард, запрыгнул в спасительную темноту, снеся что-то на ходу с оглушительным грохотом – в темноте не заметил жестяную склянку на полу, которая некстати попала мне под ноги. Она отпрыгнула лягушкой к стене от моего удара и с лязгом покатила по полу по полукруглой траектории. Я замер, размышляя, что теперь делать.

«Бежать отсюда, вот что!»

Но не успел. Послышались торопливые шаги. Кто-то семенил к гаражу. Я попятился назад в сумраке помещения. Спрятаться был негде. И тут, за моей спиной, показался высокий стеной железный шкаф. Шаги замерли, дверца ворот распахнулась, и в гараж бесцеремонно ввалился свет уличного фонаря. Из темноты напоказ выступила разная утварь и три мотоцикла стоящие по разные стороны.

– Кто здесь? – испуганно спросил голос на пороге.

«ну, я» – мысленно ответил я, пожав плечами.

Интересно, задавая такой вопрос человек реально ожидает, что незнакомец выйдет, представится и в двух словах расскажет о себе?

Ирония, чуть ли не единственный суррогат, который способен быстро и пусть ненадолго, но сделать человека сильнее.

В шкафу было душно, пахло, засохшим на грязном полу, пивом, кислым запахом вьезшегося пота и кожей, от одежды на крюке. Я медленно переступил с ноги на ногу и слегка стукнулся обо что-то наверху. Поднял глаза – это шлем на полке. Черный, с тонированным забралом. Я потянул к нему руки.

Голос дал о себе знать, он услышал мои движения.

– Эй! Еще раз спрашиваю, кто здесь? – выдавил он

Он шел по гаражу. «Звяаяяк» – продолжительно зазвенело металлом. Видимо, поднял с пола монтировку или что-то еще.

– Выходи по-хорошему или я отделаю тебя, так что ходить не сможешь.

Его голос выдавал страх, плохо скрываемой дрожью. Он старался ступать еле слышно, больше сам боясь своих громких шагов. Судя по звуку, он останавливался, похоже, заглядывал в углы. И вот он уже вплотную приблизился к шкафу. Я чувствовал, как он медленно тянет руку к ручке.

«открывай» – подумал я и ждал, когда он сделает это.

15 июня

– Слушай, я ведь так и не знаю твоего имени. Это какая-то государственная тайна?

Сегодня Дана была в отличном расположении духа. Впервые за все дни, не ощущалось удушающей тревоги, дышалось легко. Не в последнюю очередь, из-за событий ночи, когда они с доктором вместе перемещали фигуры.

Дана, признаться, изменила к нему свое отношение. Чувствуя больше допустимости, больше симпатии. Но не такой, как раньше, когда подпускала к себе харизматичных ухажеров. Эта – совсем другого толка. С увлекающим незнакомым оттенком. Не за показную мужскую удаль, а за его простое желание быть рядом, помочь. Желание мягкое, податливое, но непробиваемое, нерушимое, как стена.

Он так серьезно относится ко всему, что связано с ней и, главное, не требует ничего взамен. Так сложилось, что мы охотнее подпускаем к себе тех, кто готов разделить наши трудности. Мы готовы противостоять агрессии в свой адрес, а против невинного, бескорыстного желания помочь, мы оказываемся беззащитны.

– так как, говоришь, тебя зовут, мистер?

Она спросила своим легким, игривым тоном, держа пальцами тонкую прядь волос, так, что они медленно скользили по ее фалангам. Спросила нейтрально, вроде просто так. Раньше она использовала этот тон, как проверенное оружие. Но тогда она была вооружена до зубов: узкие джинсы, вечерний макияж, ресницы, укладка. Отличный набор диверсанта.

Это всегда безупречно работало. Особенно если включаешь блуждающий взгляд за его спиной, якобы в поисках более приличной кандидатуры. Они на это попадают. Им начинает казаться, что подруга начинает терять интерес и они бросают в бой резервы. По крайней мере, если за спиной бар, бесплатный алкоголь тебе обеспечен.

– Давай угадаю, – она начала перечислять, сощурившись, словно примеряя к нему разные имена – Джонни, Бред, Джастин... ооо, подожди, может Владимир или Барак? Нее...

Его ответ ее озадачил:

– Это не важно.

Слова были сказаны коротко, вразрез с ее ожиданиями. Мысли сбились в ее голове в кучую кучу, стадом растерянных овец посреди дороги. Повисла пауза, на протяжении которой Дана ощутила себя, человеком, услышавшим от иностранца неуместную фразу и не понимающим, имел ли он это в виду буквально или же здесь, доселе незнакомый, идиоматический оборот. Она тактически улыбнулась, выдерживая паузу.

Он и сам смутился. Было видно, что он не хотел обидеть. Он чуть наклонился, обозначилась вертикальная складка на лбу и кончики его бровей приподнялись вверх. Доктор взял ее за руку и сказал:

– Дана, сейчас очень важно другое. То, что нам нужно сделать сегодня. Вместе.

Его пристальный взгляд задержался на ней. В него было легко смотреть. Простые, открытые глаза. Немного усталые, с легкой рябью капилляров. Без самоуверенной иронии или предвзятости, он смотрел на нее, как смотрит человек, которому незачем тебе врать. Его слова звучали мягко и настойчиво, неуступчивой просьбой.

«Вместе» – отозвалось в ее голове. Она не видела его губ из-за ненавистной медицинской повязки. Но его слова, проникающих через широко открытые зрачки, было что-то изгибающее бытующие представления о принципах.

– Имя! – Дана требовательно выставила вперед свою ладонь, предлагая сделку: «я пойду, но только на моих условиях». В конце концов, не может же она просто так уступить!

– Отлично, пойдём, – он, по-хозяйски, взял ее за выставленную руку и потащил за собой. Она растерянно поплелась следом. Ноги шагали, как ватные.

Дана никогда никому не позволяла так обходиться с собой. Всегда тон в отношениях задавала она. Только так и никак иначе. Выставляла свои требования и, если они не выполнялись, следовало наказание. Она намеренно флиртowała с другим. Наблюдать, как самцы грызут глотки из-за девушки очень занимательно. Кто внушил им, что их тупое петушение привлекает женщин?

Женщина, разбирающаяся в мужчинах, никогда оценит того, кто привык решать проблемы кулаками. Где гарантия, что в один прекрасный день, когда ты в ссоре с ним нечаянно опустишь плечо, он не отправит свой разящий левый хук тебе в подбородок? Так же проще всего решать проблемы, ссылаясь на непреодолимую женскую логику, правда?

Мужчины, ну признайтесь же, что вы примитивны! Неужели вы этого не видите или упрямо не хотите видеть? Все ваше вселенское внимание к женщине, комплименты, увлеченные диалоги об интересах и увлечениях, ваше эпическое воздаяние и пафос – все ради 5-ти минутной банальности на несвежих мятых простынях. Так же скомкано, по-мужски эгоистично и сухо, по отношению к женщине.

Но что с этим доктором не так? Он же такой же обычный мужик, как и остальные. Но мыслит как-то иначе, по-другому устроен что ли? Он холоден. Нет, ну не совсем холоден. Просто отстранен как-то. Может, стесняется? Может гей? Да нет, вроде, не похож. Хотя сейчас уже не разберешь, кто кого.

Дана никогда не пыталась анализировать чувства и поведение мужчин. Зачем пытаться понять, как ведет себя бык? Это как-то способно изменить его поведение? Да без шансов! Вот ты отмой его, одень в костюм от кутюр и что? Все равно первопричина всех его интересов будет топорщится из штанов.

Но, конечно же, будем честны, Дана была мудрее и мыслила не так плоско, скорее это была удобна позиция. Она не ненавидела мужчин, она ненавидела мир, в котором преобладают мужские ценности, и женщине, чтобы успешно существовать в нем, нужно подчиняться интересам даже не мужчины, а его полового члена. Ублажать его, принимая его усилия не иначе как подвиг. А затем тщетно пытаться засыпать под храп, стыдливо удовлетворяя саму себя в темноте, совершать аборты, глотать, прощать его похоть и измены. Разве женщина виновата в том, что ей приходится жить в таком мире, в котором нужно быть сильнее, компенсируя одновременно растущее самомнение и инфантильность мужчин.

Однако, Дана прекрасно устроилась в этой однополярной реальности. Обладая весьма привлекательной внешностью и достаточной жесткостью, она получила своеобразный карт-бланш, определив слабое место своего типажа мужчины: нужно просто своевременно лишать его уверенности в праве быть сверху. Не буквально даже. Нужно сначала ясно продемонстрировать свое своеволие и характер, затем подарить ему иллюзию, что он, доминатор, смог подчинить себе дикую кошку. И когда он ощутил это в полной мере – он попал в хитро выстроенный капкан, из которого можно выбраться, только отгрызая себе лапу или другую, но уже бесхребетную конечность.

Только на Дока пока это не действовало.

Очередные «задания» оказалось еще глупее, чем предыдущие.

Вчера, например, они сидели на песке во дворе здания больницы. Док объяснял ей задание: «Русло реки». Дана не сразу поняла, что от нее хотят, но он так нудно, зараза, стал объяснять, что нужно делать канавки в песке, которые «сообщаются» между собой.

Они возились чуть ли не два часа, пока вся земля, вокруг них не была изрыта такими канавками. Дана проголодалась как волк, и, наконец, они стали наполнять русло водой из помятой алюминиевой канистры. Глубокими хлопками вода хлынула на землю и заструилась по ответвлениям. Земля вокруг будто ожила. Это ее очень ее впечатлило. Дана создала это своими руками и вдохнула в это жизнь. Тронутая, она прижалась к нему, обхватив его руку,

с желанием поделится своими впечатлениями. Он сидел рядом и его глаза тоже блестели детским живым трепетом.

– Знаешь, как написано в ДАО? – тихо сказал он – Стань долиной, и река сама понесет к тебе свои воды.

Сегодня же он принес ей квадратную коробку. Она была готова увидеть в ней все что угодно, например, пиццу, которую, не ела тысячу невыносимых лет, но обнаружила внутри, всего лишь, обычный пластилин. Как в детстве, в виде длинных прямоугольных брусочков с закругленной волнистой поверхностью.

Они сидели на полу, сложив ноги «по-турецки» и разогревали его своими ладонями до ломоты в костяшках пальцев, пока он не стал совсем теплым, оставляя, не видные глазу, маслянистые разводы на коже. Дана то и дело промокала ладони о салфетку.

– Док, твою мать, вчера песок, сегодня пластилин. Ты должен мне маникюр, – рассержено сказала она, рассматривая потемневшие полосы под ногтями, – Вот гадость! Буэ!

Она брезгливо затрясла кистями рук и поежилась. Он в ответ только протянул ей еще один брикет синего цвета.

– я уверена, что ты не женат, – злобно сказала она.

– Почему?

– потому что это единственное объяснение тому, что человек с таким характером еще жив.

Он засмеялся и Дана с интересом посмотрела на него, осознав, что впервые услышала его смех. А ведь он не машина, каким выглядел сначала.

– у меня такой плохой характер? – смеясь спросил он

– нет, скорее, несносный, – ответила Дана, пряча взгляд

– Надеюсь, дело именно в этом, – парировал он, – а не в том, что ты раздражаешься от всего, что идет в разрез с твоим мнением.

А вот это было неожиданно! Она хотела что-то возразить, но не нашлась, найдя, что он, скорее, прав, чем нет.

– тебе не нужно злиться на меня, – опередил он ее, – я здесь, потому что нужен тебе, а значит все идет по твоему плану.

Она молча продолжала разминать пластилин. Сказать что-то сейчас – все равно, что оправдываться, а это не в ее правилах. Проще скосить все на мужскую паранойю. Это еще один червовый туз в рукаве, терпеливо ждущий масти.

– готово, – сказала она, – бросая размятый кусок на пол.

– отлично, смотри, – сказал он, – все просто. Берешь и лепишь фигуру.

– Что лепить то, Церетели?

– Не важно. Все, что подсказывает фантазия, главное не отделять куски, понятно?

– В смысле? Совсем-совсем неважно что?

– Да. Любое, что тебе пришло на ум.

– первое, что мне пришло в голову – кубик, – съязвила Дана, и нехотя потянулась к куску пластилина. – Уфф, ну ладно давай его сюда.

Она взяла его двумя руками и сжала в толстую круглую лепешку. Посмотрела на нее, но ничего не пришло в голову, тогда она скатала ее ладонями в своеобразную сосиску.

«Черт, – подумала, она, улыбнувшись, – может слепить ему символ его гендерной принадлежности? Это была бы бомба.»

Она быстро смяла кусок пластилина и попыталась слепить подобие фигурки. В результате нескольких попыток, она забросила это дело – у нее получались какие-то аномальные зайцы или пауки.

Он смотрел за ее руками. Это немного напрягало. Не позволяло думать. Видно, он ждет от нее чего-то особенного, но в голову не лезло ничего.

– перестань смотреть так, – сказал она, – я не могу сосредоточиться.

– Да? – он вздрогнул, очнувшись от глубокой задумчивости. – прости... у тебя очень красивые руки.

– а? – она изумленно застыла, даже перестала лепить, и посмотрела на него.

Он сделал вид, что не расслышал, поднял планшет и принялся в нем что-то увлеченно писать. Дана пожала плечами и снова принялась за дело. Но, понятное дело, его слова не остались незамеченными. Дана улыбнулась себе и дело пошло веселее.

Она вспомнила вчерашнее задание с водой, и ей пришло в голову сделать лодку. Действительно! И не сложно! Она начала делать заготовку обтекаемой ромбообразной формы. Потом, нажимая посередине и выдавливая изнутри излишки пластилина, она принялась вылепливать борта. Затем заострила «нос» и вытянула получившуюся фигуру перед собой. Первое, что ей пришло в голову, что она больше похожа на пустой глаз. На полость, в которой должно быть глазное яблоко.

Дана облокотилась локтями на колени, но в этот момент, один из них соскользнул, и она резко дернула рукой, чуть не разорвав лодку в руках. Она вскрикнула от испуга. Доктор тоже резко поднял глаза:

– Нельзя, разрывать

Дана медленно разжала ладони. Лодка осталась целой, только резко согнулась посередине.

– да знаю я, – процедила она

– посмотрим, что получилось

Они молча смотрели на непонятный слепок:

– Как туфля. Без каблука, – сказала Дана, нахмурившись

Он осторожно взял получившуюся туфлю.

– На сегодня закончим.

Дана не ответила.

Весь остаток этого дня и следующий, она хандрела по непонятной ей причине и не вылезала из-под одеяла.

6 июля. Вечер

Гросс двигался по средней полосе. Релаксирующая музыка шелестела из динамиков. Ветер вторил ей через чуть приоткрытое окно. Город двигался навстречу яркими лентами витрин магазинов.

Зазвонил телефон. Гросс включил вызов на громкую связь, чтобы не отвлекаться от вождения.

– Слушаю.

– Добрый вечер, хер майор, – сказал вкрадчивый мелодичный голос

– добрый.

– Узнал?

– Да.

– Не отвлекаю?

– Нет.

– Отлично! Чем занимаетесь, любезнейший?

– Еду.

– О, вы решили устроить себе расслабляющий вечерний вояж?

– Нет. По делам

– значит по делам. Чтож. А это весьма неплохо, я вам скажу! Именно дела, мой друг, проблемы и неурядицы наполняют нашу жизнь, тем, что мы возвышенно называем Смысл. Мы ведь привыкли искать смысл во всем, не так ли? Но оставь вас в Лагуне, на живописном берегу океана, с мохито в длинном бокале, что тогда? Да вы же взвоете, милейший, через пару месяцев! Я вас уверяю, поверьте моему опыту. Вы начнете тлеть! И терзать себя глубокомысленными размышлениями о своем предназначении. А загрузи вас проблемами и делами, что произойдет? Вы окунетесь с головой в эту суету и будете считать, что ваша жизнь бурлит! Что в ней есть цели, задачи и смысл! Фабула, завязка и развязка! А, фактически, что изменилось? Да, собственно, ничего. Вы, всего то, играете с самим собой в глупую игру с постановкой целей и достижение результатов. Но, я так думаю, достопочтенный полковник, вы сейчас как раз и обнаруживаете следы тления, я не прав?

– Возможно.

– Дорогой мой Гросс, вы нравитесь мне, вы непризнанный герой своего времени. Да, да, я сказал непризнанный. И это очень меня печалит. Вы должны понять, что во всей этой суете, есть особенные дела. Называйте их как хотите. Я называю их – Предназначения. Это дела, которые не закончатся на следующий день, после того, как вы их завершите. Это то, что будет жить долго. Эпохально. Понимаете меня?

– Вполне.

– Великолепно, тогда позволю себе спросить Вас. Вы подумали над моим предложением?

Полковник молчал.

– Гросс?

– я еще думаю

– понимаю Вас, решение весьма непростое, Вы взвешиваете все «за» и «против». Но время нас не щадит, милейший. Оно нещадно врывается в наши дома и отнимает у нас все лучшее, чем мы дорожим. Вы дорожите, чем-то майор Гросс особенно сильно?

– не давите на меня.

– я? Да как мы могли только подумать такое? Отнюдь, вы вольны принимать любое решение, полковник. Для этого нужна спокойная атмосфера. Как, например, в этом парке на обочине!

Неожиданно, слева по его машине пронесся сильный удар. Бух!!! Пшшш!! Какой-то грузовик, с соседней полосы протаранил машину Гросса, его развернуло и машина полковника, жалобно скрипя шинами, пошла юзом в сторону парка. Подушки безопасности выпрыгнули, не давая ему крутить руль.

Грузовик продолжал тащить машину Гросса к обочине и, вдруг, все завертелось, разлетелось по салону и закружилось, как в миксере. Гросс зарычал, его машина кувырком полетела с насыпи. Через минуту все стихло.

– Гросс! Гросс! Вы в порядке? – кричал голос по громкой связи.

Полковник молчал, оглядываясь вокруг и осторожно отряхивая осколки стекла.

– Скажите, что-нибудь! Ну не молчите! Вы живой?

– Сука! – Прорычал Гросс и с силой ударил по надутой подушке, которая уперлась прямо в подбородок.

– Фу, как некультурно. Да полно Вам! Я компенсирую любые ваши затраты. У вас в бардачке лежит конверт, в котором весьма щедрое вознаграждение за причиненные неудобства. Вы сможете купить себе две такие машины. Да, кстати, друг мой, хорошо, что вспомнил, в вашей машине есть еще кое-что, что может скомпроментировать вас. Так не хочется, чтобы у вас были проблемы. Увы, память подводит меня, я не могу вспомнить, где именно. Покорнейше прошу меня простить, за забывчивость. Поэтому рекомендую не вызывать полицию и не сообщать им о случившемся. Я забочусь о вас, мой друг, будьте спокойны!

Гросс попытался открыть дверь, но ее заклинило, он раскачал ее и она медленно, со скрежетом, подалась. Руки были в крови, все тело саднило, плечо ныло от удара ремнем безопасности, который, преднатяжителем, отдернул его при ударе. Полковник вышел, покачиваясь, на прохладный вечерний воздух. Из рта вырывался легкий пар. Машина Гросса пролетела достаточно далеко. Грузовика и след простыл. На земле белели вещи, вылетевшие через разбившиеся окна.

Что это? Гросс наклонился к земле, это лежал Конверт. Довольно пухлый. Он замер, размышлял несколько секунд. Затем медленно поднял его свободной рукой. Он приятной тяжестью лег в ладонь. Брезгливая усмешка тронула его губы – неужели это и есть то, ради чего он так рискует всем? Пачка цветной бумаги с дурманящим запахом свежей краски? Но, черт возьми, как она магически тяжела!

Он выпрямился, и улыбка сразу сошла с его лица. Наверху, на дороге, в нескольких десятках метров, стояла черная фигура. Лица не было видно. Гросс различил, что это человек в черном шлеме. На стекле – какие странные отблески, как тонкие, вьющиеся языки пламени.

– Кто ты?! – рявкнул Гросс, – что тебе нужно?

Незнакомец не ответил. Он даже шелохнулся, только рисунок на его шлеме продолжал вызывающе мерцать...

– Проверяешь работу? – крикнул полковник с презрением

Резким отработанным движением, Гросс выбросил выхватил пистолет из кобуры подмышкой, мгновенно наведя его на непрошеного гостя.

– Возвращайся и скажи Дону, что я сам дам ему знать.

Ветви продолжали пульсировать на шлеме незнакомца. Он сделал медленный шаг назад и растворился в темноте, но пульсирующий рисунок еще долго мерцал в глазах Гросса.

20 июня

Дане давно хотелось побывать здесь. Белая безымянная дверь, с матовой латунной ручкой, отполированной до блеска ладонями входящих. Судя по всему, Док обитает именно там, внутри. Это его кабинет.

Дана редко выходила из своей палаты и прогуливалась по коридорам. Длинные, белые с серыми бетонными полами, в которых, хаотичной мозаикой, были вкрапления из кусков разбитого мрамора.

В стенах, через каждые несколько метров были полуприоткрытые двери в другие пустеющие палаты. Двери были комбинированные – верхняя половина деревянной двери была стеклянной и можно было разглядеть что происходит внутри. Дана заглядывала внутрь, каждый раз ощущая мурашки. Но, к счастью, там не было ничего «интересного», просто такие же пустые помещения без мебели с заколоченными окнами.

Двери покосившиеся, скрипучие стонали не только при каждом прикосновении, но и просто так, от сквозняков. Они начинали наперебой поскрипывать так, словно говорили друг с другом, посмеивались или жаловались. А может, секретничали о двух одиноких одушевленных обитателях. Дана, в такие моменты, спешила убежать к себе в палату, благо там их говор был неразличим.

Коридоры образовывали контур замкнутого квадрата, в одном из углов которого находилась единственная глухая дверь. Белого цвета, как и все остальные. В верхней части двери была еле различимая прямоугольная часть более светлого тона. Видимо от таблички, которую сняли. Раньше эта дверь всегда была закрыта, но сегодня Дана, прогуливаясь, вдруг заметила, что и она слегка приоткрыта внутрь.

«Интересно, что там?» – подумала она

Дана воровато тронула ручку с еле различимым усилием, но так, что дверь поддалась, чиркнув нижним краем. Она взглянула вниз и увидела сектор окружности на полу, многократно расчерченный дверью. Заглянула внутрь, правда отсюда что-то различить было сложно, в комнате было темнее, чем в коридоре. Ссутулившись, она сделала шаг внутрь и замерла.

Интерьер был минималистичен и, в целом, легко читался, благодаря свету, вошедшему вслед за ней. Небольшая комната правильной формы с кушеткой у стены, промятая в центре, с валиком в изголовье. Окно – занавешенное тяжелыми занавесками, как в палате Даны.

Посредине возвышалось кресло. Белое, большое и вальяжное, оно привлекало внимание, красуясь монументально и надменно. У кресла лежала белоснежная овечья шкура, придававшая первому оттенку роскоши. Они были похожи на друзей снобов, иронизирующих в душе друг над другом, но не способных существовать друг без друга, без обоюдной лести.

Рядом стояли торшер и маленький столик, на котором лежали чистые листы и карандаши. Пригубленный стакан с водой.

В углу комнаты, этажерка с книгами и старыми дисками. Стены угадывались в тонах теплого, бежевого цвета, стена перед креслом занавешена тяжелыми портьерами. Вот, в принципе, и все аскетичное убранство.

Вдруг, Дана ощутила взгляд, но не обернулась. Она чувствовала, как он рассматривает ее с интересом.

«До чего же тихо он вошел, – подумала она, – Ни тебе стука или шагов в коридоре.»

Дана поняла, что «застукана» на месте преступления и решила вести себя как ни в чем не бывало.

– У тебя мило, – сказала она

– тебе нравится? – спросил голос из сумрака

– Нет... Вернее... я бы не смогла жить в такой комнате. Но, в целом, все очень по делу, все на своих местах, – сказала она, проводя взглядом по обстановке.

Дана села на кушетку

– ты спишь здесь? – спросила она

– да

– тут жестко, – Дана припрыгнула несколько раз и поморщилась. – неужели удобно?

– я мало сплю, – ответил он, – 3—4 часа в сутки.

– а что делаешь все время? Почему не спишь?

– не могу

– Бессонница?

– ну, что-то вроде, но не совсем.

– А что?

– Это сложно описать

– Попробайся. Давай я сегодня побуду твоим доктором. Позволишь?

– Ну, давай, попробуем, – сказал он с легкой усмешкой.

Дана почувствовала мурашки. Его улыбка, скрытая медицинской повязкой, все больше ее интересовала.

– Ну, так что? – она пародийно скрестила руки на груди, – больной, опишите симптомы. Что мешает вам спать?

Он показал пальцем на свой лоб:

– Мысли.

– Мысли? – Дана нахмурилась с недоверчивым выражением лица, – не понимаю вас.

– Да мысли.

– а что с ним не так?

– Я не могу остановить их

Она нахмуренная, откинулась назад на кушетке, оперевшись на руки за спиной. Контуры ее груди, обозначились округлыми холмами.

Его взгляд скользнул по ее телу, бессменная повязка на его лице двигалась в такт его дыханию

– Подробнее, больной, говорите – говорите, я слушаю.

– Гмм, попробую объяснить.

Он замолчал, задумчиво уставившись на пол.

– Ну, это примерно, как ты пытаешься уснуть в комнате, где за стеной кто-то громко включил музыку. Ты не можешь выключить эту музыку, и тебе приходится слушать ее.

– Ну уж нет, я или снесу ему дверь и вырву провода или просто вызову полицию!

– Кстати, в этом несколько не сомневаюсь, – он снова невидимо улыбнулся.

– Ну я поняла, о чем ты. Надеюсь только ты не слышишь голоса, в которых Господь говорит с тобой, – усмехнувшись сказала она, но, спохватившись, тут же сделала серьезное лицо.

– Нет! Это совсем не то. – отрезал он – Я же не псих.

– Ты действительно так думаешь? – Дана игриво подмигнула.

– Перестань. Вот представь. О чем человек думает обычно? – спросил он и сам же ответил на свой вопрос, – например, о том, что увидел недавно, или, может, о проблеме, или вспоминает что-то из прошлого, а может ему стыдно за то, что у него грязные ботинки, или один из них порван и ему кажется, что все окружающие вокруг указывают на эту дыру пальцем. Мало ли о чем он может думать, но факт, что его мозг работает. Без остановки. Даже если человек думает, что не думает, он думает.

Дана кивнула.

– интересно, я не размышляла над этим. Это, конечно, больше похоже на большой бред, но, как ваш лечащий врач, тактично соглашусь. Ты прав. Дальше.

– Это еще не все. Это только один человек так думает. А вот, например, ты едешь в метро и видишь людей в вагоне, которые сидят, стоят, входят и выходят. А ведь каждый из них сейчас думает о чем-то! Сто человек вокруг тебя и сто цепочек мыслей сейчас витают над ними. Одновременно, в один и тот же момент. Они витают, сплетаются друг с другом. Ведь ты можешь мысленно понять, о чем думает человек напротив и тоже начать думать в том же направлении.

– Ну да я поняла, – прервала его она с усмешкой – это как ты смотришь на мое тело, и я понимаю, о чем ты думаешь?

Его взгляд снова скользнул по ее груди.

– Похоже, я права?

Он замялся, виновато спрятав взгляд.

– Доктор, давайте не будем отвлекаться, – сказал он дипломатично, предусмотрительно не поднимая глаз

– а ну да, хорошо, больной, вы говорили про мысли в метро.

– Да, в метро... – он не сразу смог продолжить, видимо сбитый с толку, – так вот. Все эти мысли существуют в некоем другом измерении. Мы их не видим, не слышим, но уверены в их существовании. Они где-то наверху, образно, над нами, существуют по своим собственным законам. Ты можешь замечать их или нет. Отрицать. Им без разницы. Но когда, например, что-то в темноте испугало нас, нам проще подумать, что это приведение. Но ведь испугал нас не звук или шум. Испугала нас **мысль**, что именно может быть источником шума. Без мысли мы бы не испугались. Мы бы просто отмахнулись и пошли дальше. Мысли живут в нашем мире как неуспокоенные духи, они иногда пугают тебя, ты говоришь с ними, споришь, ругаешься, прогоняешь. У мысли может быть свой характер, убеждения, и она может засесть внутри. Если мозг принадлежит тебе, и ты сам его контролируешь, почему не можешь сдержать свои мысли?

Он замолчал, но Дана чувствовала, что он не закончил.

– Я, честно, не знаю природу мыслей, почему они такие – продолжил он, – но я знаю, что произойдет, если мысли всех рядом стоящих, отправятся в один мозг. Это вроде аккумулялированной информации о происходящем. Ведь люди думают о том, что видят, осмысливают. А в твоей голове – нейромашина. Она чувствует происходящее вокруг: в лицах, в мыслях, в чувствах людей. Ты видишь мир миллионами чужих глаз.

Он замолчал, взгляд его задержался на полу.

– Все это стекается в меня, – безысходно подытожил он, – они разрывают мой мозг.

Дана склонилась к нему со взглядом, полным сопереживания. Ей не важно, правда это, бред или что-то еще. Ей важно, что это происходит с ним. С человеком, который находится в центре ее настоящей реальности. Все это время, она не могла представить, какие сложные переживания скрываются за невозмутимой белой маской.

– Так вот почему ты здесь, – прошептала она, – ты прячешься в этом безлюдном городе от всех этих мыслей.

Он не ответил, он просто встал и прошел в другую часть комнаты, отвернувшись.

Дана с тревогой посмотрела на него:

– значит, здесь ты слышишь только мои мысли? Ты можешь читать их?

Он мотнул головой:

– нет, я не вижу конкретных мыслей, я вижу аккумулялированную картину. Что-то вроде будущего, но не совсем. Прогноз, миллионы прогнозов людей. Это позволяет предвидеть все возможные варианты развития событий, понимать как ты, вероятнее всего, поступишь.

– да? Ну и что я сделаю сейчас?

Он усмехнулся.

– если я скажу, что ты сделаешь, то ты в любом случае поступишь иначе.

Она сжала губы

– то есть ты видишь будущее?

– Не совсем будущее. Цепочки связанных событий, которые возникнут при принятии отдельных решений.

– Не понимаю, как это?

– Хмм, – он подпер подбородок рукой задумавшись, – боюсь это будет еще сложнее объяснить. Ты готова?

– Да

Он задумчиво потер рукой, висок

– попробую объяснить на примере компьютера. Внутри компьютера есть центральный процессор. Так? Так вот. Мы думаем, что он считает: складывает, умножает и так далее. Именно так и было долгое время, пока разработчики не поняли гениально простую вещь: не нужно считать дважды! Если что-то уже было рассчитано, и таких типовых расчетов несколько, то можно просто запомнить их, как готовый шаблон, магистраль, портал! Процессор больше не считает в этом случае, не тратит время на одинаковые повороты, пробки и светофоры, он просто телепортируется из пункта А в пункт Б!

– Не понимаю.

– Ну, представь, ты просыпаешься утром. Ты, скорее всего, будешь делать похожие действия, что и вчера: умоешься, почистишь зубы, выпьешь кофе, оденешься и, через час, выйдешь на улицу. И мне не нужно знать цепочку всех этих действий, если я «просчитал» ее вчера. Мне нужно только знать твое первое действие – «проснуться утром» и я, с большой долей вероятности предскажу, что через час ты выйдешь на улицу! Вуаля – я пророк!

– Но ведь я могу проспать или передумать выходить!

– Да, но вероятность этого в сотни раз ниже. Процессор оценивает вероятность наступления события с высокой долей вероятности. К тому же у него этих цепочек – тысячи. На случай, если за окном плохая погода, или сегодня выходной и так далее.

Дана нахмурилась:

– подожди, то есть ты хочешь сказать, что компьютер занимается предсказаниями?

– Да! Более того, у него есть специальный блок внутри, который занимается именно цепочками прогнозов и формирует готовые магистрали и порталы. По сути, процессор занимается предсказаниями, пока на уровне формул и расчетов, но, кто знает, возможно, через десятилетия у нас будут цифровые оракулы.

– Уффф, бред какой-то. Ну, а к тебе то это имеет какое отношение?

– Я, в каком-то смысле, процессор, вижу цепочки и могу предсказать вероятности.

Дана покачала головой:

– Башка кругом. У тебя тоже есть блок предсказаний?

– Нет, я беру все это от тех самых людей в метро, на улице – тех, кто рядом, они и есть мой блок предсказаний. Я вижу все варианты развития событий их глазами, объединяю и, в каком-то смысле, могу предвидеть будущее.

– И какое же мое будущее?

Она вызывающе подняла голову

– Что именно тебя интересует?

– Ну, мое будущее...

– Ты хочешь знать будешь ли ты богата, как ты умрешь или сколько у тебя будет детей?

Что именно?

Она замялась:

– Не знаю... странно, я думала точно знаю, что хочу узнать о своем будущем.

Он понимающе кивнул:

– тебя пугают ответы

– Ничего меня не пугает! Давай! Хочу знать все.

– Хорошо, тогда ты умрешь, когда...

– Стоп! Вот это точно не интересно!

– Ну а что тогда, что?

Она замолчала. Это оказалось непросто – задавать вопросы о своем будущем. Для этого, сначала, нужно заглянуть в себя и понять, а что для тебя действительно важно.

– я выйду отсюда?

– Да

– Когда?

– Скоро. Совсем скоро.

– Я буду любить?

– Да

– Меня?

– Да

– Взаимно?

– Да

– Кто?

Он замолчал, сверкнув глазами, и она пристально посмотрела в ответ. Глубочайшая пауза. Прозвучало невысказанное взаимное признание.

Она ждала его слов

– Тебя будут любить многие мужчины, – медленно произнес он.

Дана ждала еще несколько секунд. Он молчал.

Тогда она резко встала, чтобы уйти. Что скрывать, она ждала другого ответа. Но поняла, что это глупо. Если он читает ее мысли он все понимает.

Она повернулась к торшеру, и включила его большой кнопкой на ножке. Свет мягко разлетелся по комнате, озаряя кресло, столик, и этажерку. Стены словно шагнули в тень, увеличивая комнату. Она стала на порядок больше.

Дана остановилась на этажерке, посмотрела на небольшую библиотеку, и стала нарочито, по складам, подтрунивая, читать имена авторов с верхней полки.

– ар-ту-ропе-ресри-ве-рте, умбе-рто эко, Дос-тоев-ский. Ого! Хеми-нгуэй. Не может быть! Маки-авелли, Мар-кес, Баль-зак, Ка-фка, Борис Пастер-нак. Кто это?

Она бросила ироничный взгляд на нижние полки

– Ммдааа...ты что все это прочитал?

– нет, далеко не все, – ответил он,

– и какая книга тебе больше всего понравилась?

– каждая по-своему впечатляет. Эко, Хемингуэй, Пастернак – они все настолько разные и насколько глубоко каждый в своем, что открывают внутри тебя новый этаж библиотеки.

– а зачем тебе это? Зачем ты тратишь на все это вымышленное, ненастоящее свою реальную жизнь? То время, когда бы ты мог добиваться чего-то, любить, двигаться вперед?

– Рей Бредбери, – сказал он в ответ – 451 градус по Фаренгейту

– и что?

– В ней ответ на твой вопрос.

– Ну уж нет! я не буду тратить время на эти пылесборники

Она прошла вперед и плюхнулась в кресло:

– Меня раздражают люди, которые считают, что сливание времени на чтение книг или посещение театров, делает их какими-то особенными, аристократами, не знаю, интеллектуальной элитой. Все это бред! Мир двигают люди, которые реально делают что-то, а не сидят с книгой у окна! В крайнем случае, они читают книги не литературные, а профессиональные,

чтобы стать умнее в том, что делаешь. Те, кто работает, кто действует. Ты уж прости меня, за прямоту, но просиживание штанов с сопливой книжкой не делает тебя мужчиной.

– Мы говорим про разные вещи. Твои книги обращаются к разуму, мои – обращаются к сердцу. Сравнить их глупо.

Дана иронично покачала головой, подняв примирительно ладонь, как делают, когда признают, что обсуждать далее эту тему бессмысленно.

Она устало откинулась в кресле. Кожа кресла на ощупь была очень мягкой, теплой и податливой. Оно источало тончайшие, ласкающие оттенки уюта. Удобно. Очень удобно. Дана почувствовала расслабление, раскисла как тягучее желе, но, тут же, опомнилась и приняла соблазнительную позу, закинув ногу на ногу, поигрывая на носке тапочкой.

– слушай, здесь ты придумываешь свои задания для меня?

– Можно и так сказать

– что ты приготовил на сегодня?

– Честно говоря – ничего

– как же ты не подготовился, – укоризненно сказала она, ироничным тоном – в кои-то веки я сама к тебе пришла, а ты не готов. Садись – два.

Он задумался, приложив руку к подбородку.

– пожалуй, у меня есть на уме один тест, – сказал он, – он достаточно простой, но для разрядки, думаю, подойдет. Нужно просто включить воображение.

– Это именно то, что у меня отлично получается, – улыбнулась она и откинулась в кресле – Я могу закрыть глаза?

– Пожалуйста.

Дана элегантно раскинула волосы руками на спинку кресла, откинула голову, закрыла глаза.

Она сидела, глубоко дыша, сквозь приоткрытые губы. В удобном кресле ее тело расслабилось, плечи опустились, и вдыхаемый воздух проникал внутрь ее живота, завихряясь в нем, подобно раскрытому перевернутому зонту.

Теперь она уже выглядела не столько усталой, сколько готовой к любому развитию событий. Что-то исключительно женское есть в этой попытке усыпить свое восприятие реальности, усиливая ложное ощущение своей незащищенности перед ожидающим ее, слегка сексуально опасным.

Дана попыталась отдаться этому чувству. Кресло пленительно сковывало свободу ее движений. В контексте его шагов и шороха одежды у нее проснулось смутное дежавю. Знакомая волна проснулась в районе солнечного сплетения и разлеглась в груди. Она задумалась на секунду и поняла откуда это чувство. Тот сон. Когда он пришел к ней внезапно и не менее внезапно скрылся. Дана попыталась восстановить эмоциональную атмосферу того сна. Она сдерживала дыхание, вслушиваясь в звук его шагов, немного развела ноги стороны, пытаясь принять ту же позу.

Между тем, его шаги приблизились к ней, послышался шорох бумаги. «Берет листы со стола» – поняла она.

Снова шаги и вдруг он коснулся ее плеча. Дана подскочила от неожиданности, как пружина.

– Тебе надо расслабиться – сказал его голос

Дана почувствовала, что краснеет. Она сделала пару глубоких вдохов.

– Я постараюсь – сказала она, голос ее прозвучал виновато весело.

– Хорошо. Я буду говорить тебе какие-то вещи, а ты мне скажешь, что ты представила.

Идет?

Она кивнула.

– Молодец. Итак, представь себе пустыню. Какие у тебя рождаются ассоциации?

Дана иронично пожала плечами.

– Жарко. Много солнца. Нет воды. Не знаю. Все желтое вокруг.

– Нет, не так, – сказал он, – Попытайся включить воображение, Дана, хорошо? Представь, что ты находишься там. Для начала, расслабь тело насколько это возможно. Я с тобой, все хорошо

Что за магия была в этих последних словах? «Я с тобой, все хорошо». Он попал в нужную точку акупунктуры, мгновенно отключив все ее страхи. Дана даже вздрогнула от неожиданности, но не открыла глаз, только еле заметно улыбнулась. Она максимально расслабила свое тело, руки и ноги. Сразу сделать это не удалось, и она расслабляла поочередно: сначала одна рука, потом другая, одна нога и другая. Конечности стали пустыми и слегка заныли, как будто затекли. Дана вдруг почувствовала, что проваливается в какую-то полудремоту. Но это был не сон, она все прекрасно оценивала.

И тут она увидела пустыню. Она почувствовала ее. В испепеляющей жаре, где клубами плавился воздух и обжигал легкие с каждым вздохом, золотистая поземка из мириадов крупинок, смертоносной змеей скользила по раскаленному песку. И всем здесь повелевало оно – огромное, струящее кипящее дыхание солнца. Оно предлагало только одно – склониться перед своей мощью. Ужасающим было то, что это нестерпимое давление было безмолвным. Без криков и угроз, в абсолютной тишине, вся твоя уверенность и своеволие испаряются, изнутри, из-под твоей кожи, на твоих глазах. С каждой минутой оно отнимает у тебя жизнь. То самое безобидное солнце, которое рисуют в детских книжках ярким желтым карандашом с незамысловатым смайлом, здесь оказалось изощренным методичным убийцей. В воздухе витал пугающий запах непроницаемой пустоты.

– Здесь ужасно, – сказала она, задумалась и тихо добавила, – пахнет смертью.

Она услышала, как зашуршал его карандаш по бумаге.

Голос ответил не сразу, словно осмысливая сказанное. Затем спросил:

– Почему?

– Здесь невозможно выжить. – сказала она упавшим голосом, – Настоящее пекло, нет воды, нет пищи, нет людей.

Он снова стал записывать что-то. Затем продолжил:

– А теперь, оглянись вокруг. И там, где считаешь нужным разместить куб.

– что? Куб?

– Да, воображаемый Куб. Опиши его.

«Куб» – пробормотала она про себя.

Дана оглянулась по сторонам. Смотреть был тяжело, жара была невыносимой, обжигала ноги. Дана старалась глубже зарывать стопы в песок, туда, где еще можно было терпеть. Куб она увидела не сразу. Он криво лежал в песке, занесенный песком, так, что его сложно было различить, если не искать целенаправленно.

– Вижу, – сказала она, – Вон он – лежит на песке.

– Как именно?

– Его зашвырнули сюда. Он упал, лежит криво, занесен песком.

– Какой он? Какие формы?

Дана нахмурилась всматриваясь.

– Он изогнут. Похоже пострадал при приземлении, некоторые грани помяты. Одно из ребер выломано. Совсем.

– Из чего сделан?

Дана сделала несколько шагов, чтобы подойти поближе

– грани металлические, а стороны, непонятно. Похоже на полиэтилен. Мутный. Он местами расплавлен. Висит такими складками. Где-то более, где-то менее. На углах особенно.

– Куб полый или наполненный?

– Внутри песок, где-то до половины. Похоже он зачерпнул его через образовавшиеся дыры. В нем еще какие-то предметы внутри, не могу разобрать. Похожи на... Нет, не знаю, не видно

– Ничего страшного. – его карандаш не переставая шуршал по бумаге, – Далее. Видишь лестницу?

– Лестницу? Какую? Деревянную или каменную?

– ты сама должна сказать это мне.

Дана посмотрела по сторонам:

– Нет тут лестницы ни деревянной, ни вообще никакой

– Ты уверена?

Дана замолчала. Она пыталась визуально расположить ее в воображаемой пустыне

– Да, – сказала она, – ей тут даже нет места, она тут совершенно ни к чему. Такое возможно?

– Да. Тогда последнее – нужно отыскать лошадь.

Она шумно выдохнула, как будто хотела сказать: «Ну ты вообще загнул!»

Дана оглянулась вокруг. Становилось легче дышать. Солнце стало заходить, жара немного спала. Лошади нигде не было видно, но, почему-то, у Даны было навязчивое ощущение, что она здесь. Где-то здесь, надо только найти. Дана решила попытаться подобраться к кубу и заглянуть за него. Возможно она там.

Песок горячо просачивается сквозь ее пальцы на ногах, когда она делала глубокие шаги. Что сейчас с ней происходит? Сон? Но ведь она отдает себе отчет в своих действиях и может контролировать события. Она слышала его голос, шуршание его карандаша и понимала, что находится в комнате, а здесь только ее фантазия, только очень реальная, будто ей в пустыне снится, что она в какой-то комнате.

Дана подошла к кубу. Вот он. Оказывается, не так уж он и мал, как виделось издали. Почти с нее ростом. Дана провела рукой по горячим граням. Гнутые, кое-где на излом. Он предстал бездомным калекой, сидящим на земле, с вытянутой вперед грязной рукой сломанного металлического ребра. Следы ее ног, как одинокие монеты лежат вокруг него, а он даже не пытается их собрать. Взгляд потухший, пустой, отрешенный. Поверх зрачков, бельмом мутного полиэтилена, отпечаток пережитого, похожий на засохший в глине глубокий след сапога с рифленой подошвой, втоптавшей в окаменевшую жижу, высохший пучок придорожной травы.

«Бедный, – подумала она, вздрогнув всем телом, – что с тобой стало»

Она ощутила болевой всплеск. Ей стало безумно жаль эту фигуру. Куб был близок ей, как родной человек, которого она встретила спустя десятки лет разлуки. И теперь всей душой разделяет его горе. Дана припала к нему щекой, неуклюже растянула руки, чтобы обнять его и ее пальцы ощутили жалкие полиэтиленовые лохмотья.

Внутри сновал ветер. Он влетал извне через рваные дыры, завихрялся и раздувал мягкие, мутные бока. Но затем просачивался через бреши и куб сжимался.

«Он дышит, – подумалось ей, и она вслушалась в это дыхание, как человек вслушивается, кладя голову на грудь лежащего.

– Ничего, мой хороший, – неслышно прошептала она, чувствуя ком в горле, – Все хорошо. Потерпи. Все будет хорошо».

Дана прикоснулась к нему губами. Заходящее солнце сквозь мутный полиэтилен, напоминало открытую сверху баночку с красной гуашью.

Внутри Куба был странный рисунок. Песок был пронизан паутиной барханов, по центру пролегла чернеющая полоса из сморщенного жженого полиэтилена, пролежавшим вдоль, кривым рукавом. Его частички, черными точками усыпали весь песок внутри. И в самом центре образовалась непонятная впадина.

Она оттянула разорванный материал, и впадина стала отчетливее, похожая на горловину слива. Дана не удержалась и пальцами проникла внутрь, коснувшись белеющего дна. Песок схлынул в стороны и Дана вскрикнула, быстро отдернув руку – на нее косилась пустая глазница. Это череп, засыпанный песком!

Дана зажала рот рукой. Череп, был плоский, видимо, какого-то животного.

– Лошадь здесь! – вдруг закричала она от страшной догадки – Док, она здесь! Лошадь в кубе!

Дана открыла глаза и попыталась вскочить. Но бесполезно. Руки и ноги, вмерзшие в снег, не собирались ей повиноваться. Она лежала, глотая слезы. Комната была пуста.

5 июля. Ночь

Он постоянно ругал себя за растрачивание времени в интернете. Это зависимость, как алкоголизм и мы всегда находим тысячи оправданий. А планы на вечер летят к черту, пока мы выбираемся из лабиринта ссылок.

«Ужасная трагедия в центре города.»

Молодая девушка была сбита автомобилем на тротуаре, в самом центре города. Пострадавшая доставлена в реанимацию в тяжелейшем состоянии.

«Сейчас рано давать комментарии, – сообщил нам заведующий отделением, – состояние пострадавшей крайне тяжелое. Но, однозначно, с подобными травмами шансы близки к нулю.»

Он взглянул на фото и содрогнулся. Синее платье, похожее на набитый мусором мешок с торчащей копной спутанных человеческих волос.

А это что? Что за пятно наверху? Он увеличил изображение. Какое-то легкое розоватое облако над телом. Он увеличил еще и еще, пока изображение не рассыпалось на пиксели. Определенно, что – то есть. Мистическая дрожь скользнула по его спине.

Он репостнул фото в соцсеть с заголовком «Душа?». И тут же под ним стали появляться комментарии.

2:32. Боже мой. Смотрите, действительно в этом пятне ее лицо. Справа – волосы.

2:33. Да, в центре, четко вижу нос. Это точно лицо

2:35. Жесть

2:36. Жуть какая

2:38. Народ, не тупите? Там ничего нет. Это просто «шумы» на фотографии. Глюки матрицы.

2:45. Это глупость то, что вы пишете

2:46. Глупость это то, что вы тут напридумывали. Говорю вам, это просто дефект фото.

2:50. Я фотограф. Такие шумы и aberrации обычно возникают на краях. А здесь, похоже, реально что-то есть.

2:52. Идиоты, да это нафотошопили просто, а вы и поверили.

2:55. Иди спать, тролль.

Он взглянул на часы – пол четвертого. Спать, спать, спать!

Он плюхнулся на диван, наспех скрючился под одеялом, натянув его к подбородку. Но сон не шел. Фотография из статьи не выходила из головы, он лежал с открытыми глазами, рассматривая потолок с бликами фар.

Стало страшно. Воображение представило, как синий силуэт девушки, со скрюченными формами, хрустя сломанными костями, медленно поднимается в темноте в самом центре темной комнаты.

Бррр... он включил лампу, стало легче и лежал размышляя. Он всегда верил в существование Души. Его мать, верующий человек, считала Душу – ангелом живущий внутри нас. У него свое мнение, аргументы, отношение к происходящему. Она наш цензор, цыкающий, когда мы грешим, краснеющий за нас, когда мы врем. Душа может испугаться, как маленький ребенок или наоборот подарить нам взрослую веру в себя. «Только представь, – говорила ему мама, – внутри тебя живое сознательное существо, преданное тебе до самой смерти».

Действительно, невозможно представить человека без Души. Белковая субстанция, не может испытывать страх, любовь, ненависть, зависть только от того, что внутри происходят биохимические процессы. Люди испытывают счастье, неудовлетворение жизнью, сходят с ума или совершают героические подвиги, спасая жизни других. Как это может сделать биологическая особь, без ангела внутри?

Глупость! – скажут скептики. Удовлетворение, страх, ненависть – все это следствия инстинктов, а любовь – это общепризнанная химия. Мы просто придали этому поэтическую окраску, чтобы чувствовать вкус жизни. Например, смерть – это прекращение жизнедеятельности, но мы создали культ, ритуалы. Поклоняемся этому, боимся, изучаем, ищем смысл. Весь мир делится на тех, кто боится смерти и тех, кто к себе ее призывает. А весь шум, вокруг простого физиологического явления, как выключатель на стене: отключено электричество – становится темно. Вот и все.

Так, да не так. Душа стоит особняком в отлаженной системе электроснабжения. Это как сбой, вирус, вредоносная программа, которая вмешивается в просчитанные логические алгоритмы. Химия говорите? А сколько раз вы поступали вопреки логике? Да постоянно! Мозг тебе говорит «стой», а ты что? Идешь! «Спи», а ты? Ворочаешься! И уснуть теперь невозможно!

Он встал, пошел в ванную ополоснуть лицо теплой водой. В детстве это помогало уснуть. Он толкнул дверь и не узнал себя в зеркальной дверце шкафа. Его растерянное лицо было вытянуто, искажено, разрисовано непонятным орнаментом. Он, с ужасом, коснулся кожи пальцами. Это не орнамент. Какие-то непонятные древовидные узоры выступили над кожей, связкой пульсирующих бурых вен. Виски были холодны и все лицо ощущалось бесчувственной маской.

Он вплотную приблизился к отражению и понял: узоры не на его лице, а на поверхности зеркала! Зеркальной дверцы шкафа. Зеркало переливалось орнаментом. Как живое или что-то живое внутри шкафа. Он потянул дверцу с громким скрипом и проснулся.

Он, все-таки, заснул! Даже сам не заметил. Вот это сон!

Он присел на кровати, шупая лицо рукой. Теплое, ровное. Все хорошо. Странно, но скрип дверцы еще звенел в его ушах. И тут до него дошло, что звук был не из сна, звук идет из гаража и, собственно, разбудил его.

«Черт, – подумал он, – снова забыл закрыть! Ну как же так? Упрут что-нибудь»

Он засеменял, натягивая на ходу футболку и шорты. Прошел по лужайке и, дойдя до ворот, снял висящий на железном ушке открытый замок. Ключ болтался в нем цветным брелоком. Он взялся за ручку, чтобы закрыть ворота и различил отчетливый тихий лязг внутри.

– Кто здесь? – испуганно крикнул он внутрь.

Жерло гаража было освещено языком света Луны. Непривыкшие глаза не могли толком ничего различить.

Ответа не было.

«Может запереть до утра? – подумал он, – Хотя если это какая-то дворняга, она обгадит все так, что не отмоешь»

Он снова заглянул вовнутрь. Никого. Но было стойкое чувство, что кто-то там есть. Стало страшновато, тем более, после такого сна. Он бы включил свет, да лампочка перегорела год назад, и все не доходили руки заменить. Ох, как сейчас хотелось дать себе увесистого леща.

Глаза немного привыкли к полутьме. Он медленно сделал несколько осторожных шагов вовнутрь. Обошел мотоцикл, заглянул под верстак. Пусто. Тут лежала только его старая монтировка. Он вооружился ей на всякий случай.

Большой металлический шкаф у стены. Если кто-то и есть, только там, больше нигде. Он сжал монтировку, решительно сделал шаг, молниеносно распахнул металлическую дверцу и оторопел. Внутри, в темноте, он увидел свое лицо, вытянутое и искаженное, как в глубине

темного колодца. Верхняя часть лица смещена влево и неестественно сужена по отношению ко рту и всей нижней части. Испуганное растерянное выражение его лица, было пугающим.

Он не сразу понял, что это было его отражение в тонированном стекле мотошлема. Перед ним стоял кто-то в его куртке и шлеме.

– Кто ты? – спросил он дрогнувшим голосом, – Зачем ты одел мою одежду? Что тебе нужно?

Он почувствовал, что странный незнакомец смотрит на него сейчас изнутри и не знал, что ему делать.

Вместо ответа человек в шлеме сделал медленный осторожный шаг. Кожа на его одежде за скрипела. Хозяин попятился назад и наткнулся на мотоцикл за спиной, чуть не упал. А незнакомец, в этот момент, сделал еще шаг и медленно взял парня за руку.

Он почувствовал легкие покалывания, бегущие по ладони. Различил силуэт глаз за тонированным забралом. В следующую секунду, по стеклу проскочил разряд. Блеснул, но не исчез, а замер, слегка потускнев. Затем еще разряд, третий, четвертый с разницей в доли секунды. Они сплелись в яркую паутину, а места их пересечения светились блеском ярких точек. Юноша был поражен этой картиной. Ладонь стала горячей, дыхание сбилось.

Вдруг, одна ветвь стала наливаясь светом. Свет полз вверх, добирался до соединений, замирал на секунду и продолжал движение по одному из направлений. Затем, снова соединение, снова пауза и новое направление. Не выбранные ветви угасали. Это было невероятно красиво. Ветвь пробралась наверх стекла шлема, резко ярко вспыхнула, как лопнувшая нить в лампе. Блики зайчиками заиграли в его глазах, и, на секунду, полость шкафа за спиной незнакомца засветилась, как сложенная из стеклянных кирпичей. И, в каждом из них, он увидел свое миниатюрное отражение.

Незнакомец повернулся и пошел к выходу. Шагал он как-то неуклюже. Потом остановился и посмотрел на мотоцикл рядом с собой. Смотрел на него с интересом, потом провернулся к юноше. Забрало светило пульсирующей зеленоватой змейкой.

Юноша полез в карман

– Не знаю, зачем я делаю это, – сказал он вслух, – Держи.

Он бросил ему ключ. Взвизгнул стартер и мотоциклист сорвался с места.

7 июля. Вечер

- алло, привет
- привет!
- планы?
- да вообще никаких.
- по пиву?
- я на нуле
- угощаю
- ох уж это волшебное слово! Когда приедешь?
- я уже у твоей двери. Открывай!
- Дверь распахнулась
- вот это сервис! Только заказал пиво, а оно уже тут как тут!
- Они плюхнулись на диван, пшикнули крышками.
- Ммм... отличное пиво
- еще бы тебе не понравилось
- Вот как? Вон из моей квартиры! Только пиво оставь, а то кино не с чем смотреть.
- что смотришь?
- «Интерстеллар»,
- столько слышал. Говорят, мощный фильм
- Да.
- ты же, вроде, смотрел уже
- нет. Ты, наверное, перепутал, тот был «Облачный атлас»
- а, да, точно. А этот как? Интересно?
- честно говоря, пока не разобрал, идет уже два часа и пока ничего не понятно.
- знакомый актер
- да, это, Макконахи
- ну и память
- Кстати, всегда считал его рядовым актером, такой, знаешь, смазливый парень, знаешь, как Гир с его мимишными поросьчыми глазками.
- а Шакал?
- Нет, ну соглашусь, там он сыграл неплохо, но мимика! Все его приемы одинаковые. Посмотри его «Красотку» и остальные фильмы. Он играет одного и того же персонажа из картины в картину.
- думаю, все уж так
- ну нет! Вспомни Тома Хенкса. «Форест Гамп», «Изгой», «Спасти рядового Райана». В каждом он совершенно другой. Смотришь Фореста – debil, только и скажешь! Он говорит, как придурок, сидит как придурок, улыбается как придурок. А смотришь рядового Райана и видишь совершенно другого Хенкса, мужественного, сильного. Кстати, в «Облачном атласе», он играет сразу несколько совершенно разных героев. В этом и фишка.
- а в этом «Интерстелларе» что?
- тут Макконахи, полетел в космическое путешествие, оставил детей на Земле и пообещал, что скоро вернется, но, похоже, он их обманул. Это путешествие на всю жизнь.
- и что он вот так уже два часа просто летит?
- почти, они ищут первые экспедиции. Сейчас он вернулся на корабль с планеты, где искривляется пространство и время, и за полчаса пока они здесь, на Земле прошло несколько десятков земных лет. Вот он, видишь, смотрит видеопослания своих детей, которые накопились за эти полчаса, а по земному получается – десятилетия.

Они замолчали, потому что следующая сцена попросту шокировала их. Герой Макконахи смотрел, как на экране монитора в его космическом корабле проносятся мимо не световые года, а жизнь брошенных им детей.

«Здравствуй, папа!» – говорят они снова и снова, все более взрослея с каждым видеообращением. Рассказывают, как женятся, рожают, стареют. И вот уже внуки машут ему рукой в тусклом экране. Он пропустил их жизнь, в другой вселенной, всего лишь за какие-то полчаса.

Герой раздавлен, он рыдает не по-мужски, широко раскрыв рот, покраснев вспученными венами от боли, раздирающей его изнутри. Он превращается в униженное подобие себя, лишенное возможности взять себя в руки или, хотя бы, просто стыдливо закрыть лицо руками. Он жадно, всматривается в то, что упустил там, что посчитал менее важным и ошибся.

– Беру свои слова обратно. Это самая сильная сцена, которую я видел за последнее время. Он отложил пиво.

– пожалуй, надо сделать паузу. Пошли на воздух

Они вышли на небольшую террасу.

– рассказывай

– Что рассказывать?

– Ты ведь приехал не просто так. Я тебя прекрасно знаю. Тебя что-то тревожит.

– Есть такое, – он глотнул из бутылки и замолчал.

Молчание затянулось.

– слушай, можешь рассказать мне, если хочешь, это останется между нами. В таких случаях, я по себе знаю, надо обязательно говорить, потому что это возможность услышать себя. Я сам тебе хотел рассказать, что со мной приключилась странная штука: позавчера ночью, в своем гараже, я столкнулся с необычным человеком. Не знаю, что он там делал там. Я даже не уверен, что это вообще был человек. Он был в шлеме, мой черный шлем помнишь? Вот в нем. И на стекле появлялись странные электрические разряды, не могу описать. Но мне показалось, что эти разряды, как будто, знаешь, шли от меня.

– что он сказал?

– ничего. Он просто забрал мой мотоцикл и уехал.

– забрал??

– как бы и да, и нет, я сам ему отдал ключи.

– ты обращался в полицию?

– нет

– почему?

– не знаю, мне показалось он... ммм... не со зла.

– я пришлю тебе ребят. Все им расскажешь. Они найдут его.

– нет, не надо, я не хочу.

– тебя обворовали! Не знаю как, но чем быстрее начать искать – тем лучше. Завтра во сколько тебе удобно?

– Гросс! Я не хочу! Пойми. Спасибо, что предлагаешь помощь, но я сам.

– хорошо, как знаешь

Гросс отпил и бутылки и вдруг произнес.

– меня тоже отправляют

– куда?

– в экспедицию

– какую?

– в другую галактику.

– что за шутки?

– Это не шутки, слушай меня, внимательно, – голос Гросса стал предельно холодным, – завтра собираешь свои вещи, документы и уезжаешь отсюда. Чем дальше, тем лучше. Если успеешь продать дом – будет отлично.

– Что случилось?

– так надо. Просто поверь мне. Уезжай. Плевать на дом.

– Гросс, ты серьезно?

– очень серьезно. Но никто не должен знать.

Гросс встал, развернулся и растворился в сумраке.

21 июня

Дана открыла глаза, одним взмахом, осмысленные, похожие на, измученные бессонницей, тревожные силуэты сдвоенной сумрачной Луны, с хорошо различимыми кратерами произошедшего. В отражении неба, они холодным светом выплыли из-за облаков, прямо по колеблющейся водной глади.

Ее голова лежала на рассыпанных по его коленям волосах. Он медленно провел рукой по линии локонов. Она не отреагировала, лишь еле качнулся полувзмах ее ресниц и, почти сразу, под ними, бликом, округлился силуэт прозрачной слезы, которая сначала дрожала, испуганной точкой, а затем, набравшись смелости, ниточкой, как испуганный уж, скользнула в убежище между корней ее волос.

Ее зрачки тонули в глубине глазниц, бесцветные, как камешки в родниковой воде.

– Дана, – тихо позвал он. – Я здесь, ты слышишь меня?

Она не услышала. Увидела только, шевельнувшиеся губы, и от них, кругами по воде, слова коснулись ее сознания. Веки дрогнули. Она взглянула на него и, внезапно, бросилась в объятия, прижавшись всем телом, сжав его руками.

– Не уходи. Пожалуйста.

Он стиснул ее руку и прижал к своему лицу, зажмурившись, стал осыпать ее частыми поцелуями. Она чуть отстранилась, не разжимая объятий, горячо улыбнулась ему и прижалась с новой неистовой силой.

– Не оставляй меня больше никогда, слышишь? – сказала она громким шепотом

– Обещаю, никогда.

Он взял ее, прижал ее к себе и медленно поднялся, держа в руках. Дана увидела, что они не в больнице, а в самом центре разрушенного города. Она положила голову ему на грудь, крепко обхватив его широкие запястья

Он нес ее по безжизненным улицам, которые она впервые увидела за шторой. Тогда они показались ей чудовищными

– так хорошо, с тобой. Спокойно, – сказала она, прижавшись к нему щекой.

В одно мгновение все встало на свои места, слилось в одну точку: желание, надежда, защищенность, уверенность. И это спокойствие, которое было рядом с ним. Непередаваемое, всепоглощающее.

Она снова и снова хотела смотреть в его глаза. И вдруг она осознала, что он сегодня без маски!

– ты без маски? – она внимательно всмотрелась в его лицо, скулы профиль губ.

– Да

– Почему ты снял?

– Не стоило? – он смущенно улыбнулся.

– Нет, ты очень даже ничего. Я тебя именно так представляла, как будто видела через маску.

Она пробежала взглядом по его губам, провела рукой по скулам, потом – по слегка небритому подбородку. Улыбнулась и, подняв глаза, долго и пристально смотрела в его.

– О чем ты думаешь сейчас? – спросил он

– так, глупость, – сказала она, смутившись

– Расскажи, – он не спускал с нее взгляд

Она помедлила.

– я столько времени видела только твои глаза. С самой первой минуты, когда ты пришел в своей повязке. Мне тогда показалось, что я вообще не вижу твоего лица и никогда тебя не узнаю, сними ты повязку. Но все не так. Даже не задумывалась никогда, что так много

сосредоточено в глазах, так много можно сказать взглядом: отношение, доверие, глубину того, что чувствуешь. Человек может быть нем, но глазами рассказать о своем чувстве.

– что ты видишь сейчас в моих глазах?

– то, во что я очень хочу поверить.

Она подалась к нему всем телом, приоткрыв губы. И в ту же секунду они встретились. Проникновенно, с привкусом талой воды, сталкиваясь и отдаляясь, как части бьющегося сердца. Размыкаясь, чтобы быстрыми касаниями скользить к шее, где сладковатый запах кожи был непреодолим. А потом, впиваясь в нее, как во фруктовую мякоть, чуть обнажая зубы, внимать легкий стон. И снова – губы в губы, но уже сильнее. Беспардонно. Бесконтрольно. Задыхаясь. Еще!

Он обхватил ее голову, запустив пальцы в волосы и крепко прижал к себе. Она слышала сбивчивое биение его сердца. А потом, отголоском – биение своего. Оно билось чаще, словно торопилось за его биением. Не поспевая и пытаясь мелкими шажочками догнать его широкие удары.

– Стой, стой, – вдруг сказала она, отстраняясь.

– Что?

– Имя. Хочу знать твое имя. Пожалуйста.

Он сжал губы.

– Милан, – сказал он, – меня зовут Милан.

– Милан, – повторила она, мягко чеканя буквы, – красивое имя. Оно так идет тебе. Спасибо.

Дана скользила взглядом по его обнаженному лицу.

– я верю тебе, – медленно сказала она, – а еще, знаешь, я тебя помню.

– Мы встречаем именно тех, кто существует в нашем сознании, – ответил он

– Философ

– это сказал Фрейд.

– Как же долго я ждала вас, мистер Фрейд – сказала она горячим шепотом и, с легкой улыбкой, окунулась в его горячие объятия.

22 июня, вечер

Дана лежала убаюканная размеренным дыханием Милана. Он касался ее кожи пальцами, нежно рисуя на ее коже причудливые узоры. Украдкой, он коснулся губами ее плеча.

– я знаю тебя очень давно, – тихо сказала она, открыв глаза и повернувшись к нему, – всю жизнь

Милан долго внимательно посмотрел на нее.

– так и есть, – ответил он

Она вгляделась ищущим взглядом

– о чем ты? я чего-то не помню? У нас что-то было? Интересно. Расскажи!

Она звонко рассмеялась и игриво посмотрела на него. Милан поджал губы, сдерживая поток невысказанных слов.

– Дана, увы, это не то, что стоит вспоминать.

– ну почему, я хочу вспомнить. Я итак ничего не помню.

– нет!

– но почему же?

– потому что я обещал

– кому?

– я обещал себе.

Он резко встал и хотел сделать шаг, чтобы избежать этого разговора.

– Я люблю тебя много лет, – выдохнул он, – но мы не были вместе. Я любил тебя, а ты, похоже, нет.

– Не может этого быть! – громко воскликнула она, – я не могла тебя не любить!

Они замолчали. В нем была глубокая обида, обнажившаяся сейчас. И вдруг он начал читать на память стоки, смотря на нее пронзительным взглядом:

Я ни слова в тебе не исправлю
И, пером разрывая страницы,
Превращаюсь в чернильную каплю
Что из раны неслышно сочится

И пока боль кричит, остывая
Я кладу стежки быстро и грубо
Так рубцуются рана живая
В крепко сжатые бледные губы.

– что это?

– эти последние строки, написанные тебе. Я написал тебе много стихов. Но ты ничего не читала.

Он повернулся к ней. Губы ее дрожали в унисон бликам ее зрачков.

– прости меня, – сказала она дрогнувшим голосом, – пусть я не помню, что я сделала, но все равно прости.

И тут он приник к ней и поцеловал ее в губы с особой страстью и проникновением, так несдержанно и дерзко, что, словно тут же осознав это, осекся и остался с ней лишь поверхностью губ, тончайшим касанием, ласково. И, лишь разлепив губы так, что горячее дыхание скользнуло между ними, он сказал шепотом

– я люблю тебя.

И тут, уже она сама не сдерживая себя, обхватив его руками, неистово поцеловала его губы, стала покрывать быстрыми поцелуями его шею, а потом, вдруг, крепко прижалась к нему, рассыпав волосы по его взволнованной дыханием груди и почувствовала насколько нуждалась в нем, человеке, который не отпускал ее руки и всегда был рядом. Человеке, который преодолел прошлое ради нее, преодолел свою боль, ради любви к ней, сомневаться, в которой было безумством. Она чувствовала жажду быть с ним всегда, желать с ним одного, двигаться одной дорогой, пусть босой и без крова, но только с ним одним.

– я хочу быть с тобой всегда – сказала она, а затем прибавила с особой нежностью, – прости за все, что было. Я хочу быть с тобой, мой Милан.

Она снова взяла его руки

– обними меня крепко, – сказала она, не сводя с него глаз,

Он схватил ее так, что, не удержавшись, они повалились на землю. Смеясь, целуясь и обмениваясь горячими признаниями.

– Доктор, – спросила она, подшучивая, – а что на сегодня процедуры отменяются?

– да, – ответил он, почти серьезно, – сегодня только любовные солнечные ванны.

– это ваша новая методика?

– да совсем новая. Настолько новая, что еще не опробованная на людях. Вы не боитесь стать первой?

– нет, – сказала она, вдруг совсем серьезно – с Вами мне ничего не страшно.

Она почувствовала, как голова ее закружилась от всего, что произошло с ней за эти дни. Вот так, внезапно, любовь ворвалась в ее жизнь, прекрасной волнительной птицей с мечтательным оперенным крылом, увлекая их за собой на высоту от одной мысли, о которой захватывает дыхание. Но с Миланом, она была спокойна. Она не боялась ничего и, как никогда, сейчас хотела его страстным, необузданным жгучим желанием. Он почувствовал это и стал настойчив, покрывая поцелуями ее шею.

22 июня, ночь

Тело Даны начало приятно неметь, наливаясь терпким теплом, и она не различила, что провалилась в сон, как кусочек хлеба в блюдо с густым соусом, рассыпав крошки по всей поверхности. Его засасывало медленно, заглатывало частями, от чего он кренился, подобно огромному кораблю, невозмутимо терпящему бедствие в полный штиль, с расплывшимися по всей глади коробками и чемоданами из багажного отделения. Трагично и торжественно.

Какие мысли приходят в голову при взгляде из беспомощно растущей глубины, вверх, сквозь искажающую пелену покидающих пузырей, когда нет сил сопротивляться тому, что поглощает тебя с головой? Но тогда, когда ты поглощен страхом, а когда он уже покинул тебя последним, переработанным в легких, глотком воздуха и взмывает вверх связкой прозрачных шаров?

Наверное, ты думаешь о том, что так и не сделал, и что сделал, но не так. Укоряешь себя, даже понимая, что у тебя бы и не хватило сил это сделать. Но теперь уже все. Это не важно. Нет больше ответственности, нет больше боли. Глубина становится не зловещей смертью с его плотоядной сатанинской оскаленной пастью, а переходом в другое агрегатное состояние. Также, как вода превращается в пар. Состоянием на рубеже состояний, на пути к новому... Это уже не состояние до. Но еще и не состояние после.

Внезапно, оно абсорбировало прошлую жизнь Даны, в крупные гранулы с изображением внутри. Она увидела себя забытой румяной девчушкой, за страницей школьной тетради с замятым уголком обложки, где старательно, разноцветными ручками, она писала сочинение на тему «кем я хочу стать». Она хотела взглянуть в строки, но ветер грубо ворвался в растворенное окно и тетрадь упала, перелистнув сразу несколько страниц, застыв на главе « Мужчины»

С мужчинами не везло. Вернее не так. С любовью не везло. Она ошиблась впервые, в самый первый раз, когда на горизонте появился смуглый, высокий brunet с полумесяцем на груди. Он не был банален, он вел с ней теологические беседы и, в один из звездных вечеров, пригласил ее совершить некий ритуал, сродни венчанию. Юная Дана испуганными глазами смотрела, как Имам быстро шептал молитву на непонятном языке в каком-то безлюдном дворике на задворках. Она боялась, но доверяла первому избраннику безраздельно, широко открытыми глазами. Когда они вышли на веранду, наполненную волнительным ветром, он подарил ей кольцо с бесцветным камнем, со словами: «Отныне, нам предназначено быть вместе»

Он исчез, по-английски, следующим утром, бросив ее в объятьях одинокой измятой кровати с, испугавшими юную девушку, темными пятнами крови на простыне, запечатленными в ее душе, как шрамы, которые она будет сознательно наносить всем последующим мужчинам, наслаждаясь актом мщения. И пусть кто-то попробует упрекнуть ее к этому.

Дана подняла голову от тетради, и внезапно поняла, что проснулась внутри своего собственного сна. Здесь она, много раз, беспомощно на снегу наблюдала, как знакомые люди проходят мимо. Но что-то изменилось. Люди стали другими. На их лицах не было ни глаз, ни носа, ни рта. Вместо головы на их плечах был клубок беспорядочно смотанных нитей, как натянутые мускулы лица и сухожилия, с затянутыми узелками на уровне глаз и свисающими локонами из пряжи.

Их присутствие многолико складывалось из частиц, как лес, состоит из деревьев, безмолвно сливающихся в единое целое, которое было противоречиво по своей природе. Оно могло дружески принять тебя к себе, дать тебе защиту, тепло и очаг, или же сыграть злую шутку как с врагом, не сведущим и не способным ориентироваться, затянув в гибельную непролазную чащу.

Так и их многочисленные лица, вдруг начали сливаться, тока не объединились в одно, слегка пугающее огромное лицо, стянутое тугими нитями, которые насильно лишили его возможности говорить, сдавили беззвучно двигающиеся внутри челюсти. Все эти лица внутри, хотят столько сказать, но единое лицо молчит. Их никто их не слышит. Нет ни единого слова.

Как центр общечеловеческих мыслей, боли, их поисков и молитв. Оно словно сплетало в себе все. Дана прекрасно различала в его очертаниях силуэты маленьких лиц-клубков. Которые, в свою очередь состояли из более мелких. Тысячи. Сотни тысяч. Миллионы.

Вдруг, откуда-то из глубины, из самого чрева этой спутанной массы появился Милан. Он словно и не двигался. Казалось, толпа сама выжимает его из себя.

Стоило ей перевести взгляд на него и все плетенные люди шагнули в тень, как стены в его комнате. На секунду ей показалось, что это не люди, а его растиражированная тень. Словно все эти люди сейчас, заключены в нем. Стоит только перевести взгляд на него, как они превращаются в безликую массу, некий живой субстрат.

Сблизив их, масса схлынула, как уходящая в море волна.

Он протянул ей руку ладонью вверх. Дана удивилась насколько испещрена она была линиями. Самыми разными – глубокими, изогнутыми и еле заметными. Словно паутина окутывала и его ладонь. Изящная, свитая грациозным пауком – декоратором. Ладонь, сотканная из тех же нитей, как и лица.

Вот они его глаза. Добрые, слегка грустные, глубокие и манящие в эту глубину.

– здравствуй Дана, – сказал он теплым голосом, из под своей маски закрывавшей нижнюю часть лица.

– Здравствуй, любимый. – прошептала она еле слышно, боясь спугнуть его образ.

– они пришли за тобой.

– кто «они»?

Он промолчал несколько секунд, его глаза еле заметно блестели.

– Тебя забирают. Переводят. Пришло время

– кто? куда?

Он молчал. И Дана вдруг стала осознавать дистанцию, медленно образующуюся между ними

– Я не хочу!! – завизжала она, – не хочу!!

Он снова не ответил. Глаза его светились невыразимым болезненным чувством.

– Ты обещал! – кричала она теперь уже безысходно, – ты обещал, что всегда будешь рядом!!

– я тебя не обманул, – сказал он.– я..

В этот момент толпа, вдруг начала снова всасывать его в себя. Он дернулся к ней, всем тело, но было видно, что его, что-то крепко удерживает внутри. И вдруг его словно подменили. От его самообладания не осталось и следа. Он взорвался в необузданный ступор отчаяния.

– я люблю тебя!! – кричал он срываясь на крик, протягивая к ней напряженные пальцы – Я буду любить тебя всегда. Я всегда буду с тобой!!

Из его глаз брызнули искры слез, вены вздулись на шее, превращаясь в страшное пунцовое месиво жил. Будто его неумолимо затягивало, с головой, в страшную трясиину.

– Милан! – Кричала она, – Вернись я прошу тебя! Кто-нибудь, остановите его!

Но люди вокруг смотрели на нее бездушными узелками глаз, а затем стали смыкаться между нами, как застегивающаяся молния, как шрам, который затягивается на глазах.

Дана дернулась к нему, резко попыталась встать. Но тело не слушалось ее, оно вмерзло в снег. Она принялась дергать свое тело с невероятным усилием. Так что пульс закружился в ее голове стучащей каруселью. Кожа натянулась на ее руках и, казалось, она вот-вот лопнет от натяжения, как прохудившаяся простыня, но страх потерять Милана стал нестерпимым.

Она напряглась, что было силы, краснея, стонала зубами от злости и бессилия, рыча, дергая всем телом снова и снова. Она почувствовала, как натягиваются ее мышцы. Она сделала еще усилие одна рука стала высвобождаться. Дана почувствовала как пустота вокруг, натягиваясь, обвивала ее тело, не давая подняться.

– Стой! Не уходи! – закричала она увидев, как опустело все вокруг. Ее рука вдруг отделилась от мерзлой земли и она тут же впиалась ногтями в лед, чтобы ползти. Ноги как парализованные не двигались, но она воодушевленная продолжала тянуться.

Дана снова почувствовала, как пустота натягивается на ее лице не пуская и мешая дышать. Как какой-то плотный невидимый полиэтилен. Она нажала лбом, сколько было сил, и он стал проминаться от ее усилия и вытягиваться. Дана стиснула зубы и с невероятным усилием потянулась вперед и в этот момент, не выдержав давления, полиэтилен прорвался на ее лице. Дана вывалилась наружу и упала больно ударившись головой. Она тяжело подняла глаза, чтобы осмотреться и увидела что над ней возвышается, огромная пирамида, в сотни раз больше того, что они возводили с Миланом, перевернутая снизу вверх. Она двигалась в некий неведомый такт, то разводя, то сужая грани, наполняемое исполинским ветром. Это было грандиозное зрелище

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.